

ЦАРЕТВОРЕЦ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Царетворец

Алекс Делакруз

**Царетворец. Волчий
пастырь. Книга четвертая**

«Автор»

2022

Делакруз А.

Царетворец. Волчий пастырь. Книга четвертая / А. Делакруз — «Автор», 2022 — (Царетворец)

Еще вчера он был владетельным герцогом, любимцем власти и богов, армии и народа. Еще вчера ему улыбалась красавица невеста, а жизнь играла яркими красками... Вот только это «вчера» случилось сто девятнадцать лет назад, а сегодня он вернулся из Посмертия волею судьбы и богини Морриган. Вернулся когда все, что ему дорого, рушится как карточный домик. Вернулся в тело юного наследника фамилии, которого даже отец называет ничтожеством. Вернулся в самое начало пути, лишь первыми шагами которого ему придется пройти через предательство, любовь, власть силы. Четвертая книга серии Царетворец

© Делакруз А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алекс Делаacruz
Царетворец. Волчий
пастырь. Книга четвертая

© Алекс Делаacruz, 2022

Глава 1

Герцогиня Алисия Альба, скрестив руки за спиной и замерев в неподвижности, стояла у панорамного окна ресторана La Terrazza отеля Portrait Roma. Взгляду ее открывались шикарные виды: поблизости, по левую руку, можно было наблюдать часть кремлевской стены и башни Арсенала; по правую руку возвышалось белокаменное здание Городской Думы, расположенное на другой стороне площади Республики, широким проспектом спускавшейся вниз к подножию Княжеского холма, откуда вдаль раскинулись северо-западные, самые престижные районы и предместья Новгорода. Если же устремить взгляд к горизонту, то в ясный день можно было заметить и белые пики Варгрийского хребта. Вот только ясных дней в Новгороде не было уже больше двух недель.

Ресторан La Terrazza, как и отель Portrait Roma, принадлежал Дому Альба. Алисия, на удивление, чувствовала себя здесь спокойно, как дома. Даже несмотря на то, что десять дней назад она была заочно арестована Трибуналом Конгрегации, и более того – именным указом тирана Фридриха лишена прав и привилегий фамилии. Империя сделала ее своим врагом, и осознание этого Алисию... несколько волновало, в который раз с удивлением оценила она свои весьма сдержанные по этому поводу эмоции.

Новгородский князь Александр, когда они впервые встретились с Алисией десять дней назад – на тайных переговорах при посредничестве жриц богини Живы, узнав об указе тирана Фридриха, только рассмеялся. «Не будем позволять таким мелочам мешать столь приятной беседе», – как сейчас помнила Алисия его слова. Впрочем, она была больше чем уверена, что сам доклад об указе Фридриха во время их встречи, как и реакция князя, – его вполне осознанное и выверенное действие. Князь принял решение и выбрал сторону в назревающем конфликте Императора и первого сословия.

После тех самых первых, тайных переговоров с князем, Алисия разместилась здесь, в отеле фамилии, покинув Священную рошу. Несса и Гаррет за ней не последовали – пользуясь гостеприимством жриц и дриад, отговорившись использованием для тренировок площадки закрытого полигона. Это были только слова – Алисия видела, что князю ни Несса, ни Гаррет полностью не доверяют. Особенно ему не доверял Гаррет, которому Рейнар оставил перстень, подтверждающий княжеский долг.

Но сегодня, сейчас, Несса находилась с Алисией рядом, расположившись за столиком за спиной опальной герцогини. Подумав о ней и коротко обернувшись, Алисия словно покинула пузырь безмолвия – на нее обрушилась вся гамма звуков, наполнявших зал ресторана. И это были непривычные здесь смех, музыка и звон посуды: отель Portrait Roma из-за его близости к Кремлю для проживания избрал бегущий от ледяного вторжения варгрийский нобилитет, а просторные залы ресторана La Terrazza стали постоянным местом сбора вырвавшегося из окружения Стужи офицерского корпуса варгрийской армии. Варгрийцев в Новгороде теперь было много, очень много; и это были не беженцы – которые в большинстве уходили дальше на восток, а в основном военные.

В Новгороде сейчас создавался Варгрийский корпус, буквально на ходу собираемый из вырвавшихся из окружения в южном направлении частей, а также свежих подразделений, спешно перебрасываемых с востока на новгородский участок фронта. Вторая варгрийская армейская группировка, также формирующаяся из избежавших разгрома частей и прибывающих с востока подкреплений, сейчас находилась на севере, у городов-крепостей Ратибор и Бранибор.

Ледяное вторжение развивалось стремительно – за какую-то неделю Варгрийское царство, западная его часть, оказалось захвачено, столица взята с ходу, а кесарь числился пропавшим без вести – последний раз его видели во дворце во главе личной гвардии, готовящимся к

обороне. В Республике дела обстояли не намного лучше – линия укрепленной обороны новгородской Пограничной стражи оказалась прорвана во многих местах, и полчища ледяных демонов уже стремительно катились к столице.

Алисия, сбросив отрешенное состояние, теперь прекрасно слышала суету за спиной, перекрикивания офицеров и резкие команды: в ресторане, с ее (формального) позволения, по просьбе княжеской администрации теперь базировался штаб новосозданного Варгрийского корпуса. А в малом зале, в котором сейчас находилась Алисия, располагался штаб буквально вчера сформированной оперативно-тактической группы, костяк которой составляла прибывшая в Новгород совсем недавно бригада черных егерей.

Все вокруг делалось в спешке, практически на бегу. Была причина: приближение ледяной орды можно было видеть уже невооруженным взглядом. Алисия, стоя у окна, сейчас прекрасно наблюдала, как всю линию горизонта занимает видимая еще со вчерашнего дня стена магической бури. Она надвигалась на Новгород медленно, но неотвратно; клубящаяся от земли до самого неба темная чернильная пелена, неумолимо приближаясь, стелясь по земле, словно огромными щупальцами уже обхватывала город, надвигаясь на предместья.

На улицах Новгорода, несмотря на зримо приближающуюся опасность, в последние дни воцарилось удивительное спокойствие – люди приняли происходящее с фатализмом, готовясь принять или бой, или судьбу. Настоящая, во многом даже бесстыдная, обнажающая все грязные стороны человеческих душ паника, царила лишь в ярком своими внешними блестками полусвете общества. Обладающие богатством, но не обладающие моральными и правовыми обязанностями по отношению к государству люди в основном пытались сбежать от надвигающегося вторжения, некоторые из них просили обеспечить свою защиту или эвакуацию, а в отдельных случаях кто-то из этой когорты полусвета даже имел наглость говорить и что-то требовать таким тоном, как будто в сложившейся ситуации их мнение и слова имели истинный вес и авторитет.

Князь дистанцировался от этой части общества, демонстративно не замечая, в республиканском правительстве «весь этот петушиный бомонд», как вскользь и точно охарактеризовал сие сборище Гаррет, практически не слушали, гильдейский и цеховой люд всерьез яркий полусвет не воспринимал, позволяя себе циничные насмешки. Бежать же, несмотря на наличие средств, паникерам было некуда: порталные станции стояли пустые, персонал – как хранители, так и тамплиеры, перед деактивацией порталов организованно эвакуировались.

Впрочем, Алисия знала, что в Новгороде осталась пара десятков ренегатов из числа тамплиеров, а также несколько хранителей, причем один точно из самого высшего круга. Но переданную ими информацию о внезапном уходе ордена князь пока не распространял даже среди первого сословия – и Алисия не знала, что именно перебежчики рассказали о причинах спешной эвакуации персонала порталных станций.

Впрочем, перед лицом надвигающейся угрозы это мало кого интересовало в первую очередь. Камни Силы на порталных станциях оказались выведены из строя целиком и полностью, так что возможность оживить порталы просто отсутствовала. И в такой ситуации, когда бежать из Новгорода оставалось только по направлению к Дикому полю или незаселенному варгрийскому востоку, где обитали твари не лучше демонов Стужи, всех гораздо сильнее интересовали иные темы. На первой план информационной повестки вышли темпы продвижения вторжения, количество и боеспособность стягиваемых к столице частей республиканской и варгрийской армий, подразделений Пограничной Стражи, сводных отрядов Гильдии Авантюристов и количество прибывших на данный момент в Новгород наемных отрядов.

Последние дни даже отголоски паники петушиного бомонда раздавались уже не так громко, как в самом начале ледяного вторжения. Часть паникующего общества все же уехала по дорогам общего пользования на варгрийский восток, часть, не своей волей, заехала в каталажки. Княжеская охранка в момент повышения панического воя до крещендо, в наивысшей

его точке – когда в общественном пространстве началась открытая критика армии и республики, начала действовать быстро и безжалостно, пресекая брожение умов.

Новгород в последние дни, в сравнении с первыми – когда начали приходить ужасающие вести, заметно притих. Столица готовилась принимать самый главный бой за всю свою историю. В городе сейчас была сосредоточена основная часть вооруженных сил Республики, усиленная варгрийскими частями, все гильдии и цеха сформировали отряды ополчения, а с востока, из Диких Земель, постоянно прибывали сводные отряды варгрийских черных егерей. Как раз сейчас за спиной Алисии егерский полковник зычно и резко отчитывал гильдейских снабженцев, обещая тем в случае промедления совершенно непечатные и вредные для физического и психологического здоровья последствия.

В этот самый момент, когда крики варгрийского полковника стали совсем громкими, а гильдейские снабженцы были готовы упасть в обморок, к Алисии подошла Несса и мягко ее приобняла со спины.

– Дорогая, мне кажется, если нам отсюда сваливать, то уже пора, – перекрывая зычный голос полковника, произнесла Несса Алисии на ухо.

Несса говорила спокойно. Она не волновалась, не боялась. Просто напоминала. Обернувшись и встретившись с лучащимся желтым солнечным отсветом ее глаз, Алисия согласно кивнула.

– Так мы уходим? Или нет?

– Я не знаю, – Алисия, закусив губу, в полном смятении пожала плечами.

У входа в гостиницу ее ждал кортеж из трех броневых автомобилей, с запасом топлива и экипажами из гвардейцев Альба: лорд Далер Альба не прибыл в Новгород сам, но после указа тирана, еще до начала вторжения Стужи, смог отправить сюда сразу несколько отрядов, сохранивших верность присяге герцогине. И более двухсот лучших бойцов гвардии Великого Дома, среди которых было семнадцать индигетов второго сословия, получив (формально) позволение новгородского князя, прибыли в столицу Республики. Основная их часть сейчас занимала отдельный участок стены, а двадцать четыре самых проверенных гвардейца готовились выполнять роль охраны и сопровождения герцогини, если она примет решение покинуть Новгород.

Несса, с которой Алисия за минувшие дни неожиданно близко сдружилась, собиралась – если придется, уходить из Новгорода вместе с ней. А вот Гаррет точно оставался. Он, едва стало понятно, что над всем Востоком нависла опасность уничтожения, несколько дней назад как вольноопределяющийся вступил в Варгрийский корпус. После того как командованию стало известно о наличии у него офицерского патента Корпуса Спарты, пусть и аннулированного указом Фридриха (одновременно с низложением Алисии), Гаррет сразу получил под свое командование полуэскадрон. Отчего несколько удивился – к такому повороту событий он пока готов не был. Впрочем, ему очень сильно повезло с унтерами, и, как Гаррет однажды вечером «по секрету» сообщил Нессе и Алисии, свою полную профнепригодность как командира самостоятельного рейдового подразделения показать он пока не имел совершенно никакой возможности.

Гаррет по зову долга и с легким сердцем точно оставался в Новгороде вместе Варгрийским корпусом, а вот для Алисии подобный вариант не выглядел подходящим. Она герцогиня и глава Великого Дома – той части фамилии, которая сохранила или готова сохранить ей верность; и ей, тем более сейчас, умирать в чужом городе было совершенно противопоказано.

С другой стороны, Алисия при всем при этом понимала – Стужа Стужей, но ее бегство из Новгорода гарантированно привлечет внимание. Алисия прекрасно осознавала, что вне столицы она может стать легкой и привлекательной мишенью. В том, что Конгрегация или узурпировавшая власть часть ее фамилии (имя своего преемника или преемницы она пока не знала) выставила на рынок наемников свободный контракт на ее голову, Алисия не сомневалась. Как не сомневалась и в том, что это должен быть весьма выгодный по размеру вознаграж-

дения контракт – Альба, даже растеряв контроль над основными своими капиталами, бедными отнюдь не были.

Так что решение о том, покидать или не покидать город, Алисия еще не приняла. И она понимала, что Несса сейчас мягко подталкивает ее к этому – иначе, если не уйти сейчас, могло быть поздно. Приближающаяся магическая буря заметно ускорила, заполонив уже весь горизонт.

Страшное, ужасающее и одновременно величественное своей мощью зрелище – оценила Алисия нависающую над городом стену густой фиолетово-чернильной пелены от земли до неба.

– Ты уверена, что за стенами города для нас будет безопаснее? – негромко поинтересовалась она у Нессы. Та, все еще обнимая Алисию со спины, положив ей подбородок на плечо и также наблюдая за приближающейся бурей, не ответила. Алисия вдруг осознала изменившуюся за спиной тональность голосов и почувствовала легкую дрожь обнимающей ее девушки.

Несса взволнованно – несмотря на приобретенную ментальную блокировку эмоций, всматривалась в надвигающийся на город вал бури. Из-под которого, это даже отсюда заметно, прямо сейчас клиньями выбегали полчища ледяных гончих – на фоне общего масштаба зрелища казавшихся бегущими по земле муравьями, рассматриваемыми с высоты человеческого роста. Алисии передалось волнение Нессы: она поняла, что начинается штурм – с ходу, без подготовки и предварительной магической бомбардировки, как это было с несколькими варгрийскими городами, в том числе и в столице.

Демоны орды вторжения были уже здесь, на расстоянии прямого взгляда. Алисия, глядя на далекие клинья на равнине, просто не могла в это поверить – происходящее не укладывалось в голову.

Началось. Самая главная битва на Востоке началась вот так сразу и как-то даже буднично. Битва началась, орда вторжения была уже здесь, но Алисия все еще оставалась на месте в оцепенении. Решения уходить она так и не принимала – нависающая тень преследующей ее Конгрегации и интересы ставших враждебными членов фамилии Альба опасностью казались ей отнюдь не меньшей, чем стена магической бури на расстоянии прямого взгляда.

Империя всегда решает свои вопросы в тот момент, когда соперник ослаблен или отвлечен – эту истину знали все не только в Альба, но и во всем первом сословии. И в то, что о ней забудут, опальная герцогиня просто не верила.

Алисия глубоко вздохнула – оттягивать решение больше не было возможности. Сплошная, от земли до неба, стена заслонившей весь горизонт снежной бури уже нависла над западными районами Новгорода. В этот самый момент, заставив ее зажмуриться от яркой вспышки, с земли в небеса ударили ветвистые молнии – и нависающая над городом пелена медленно отступила, как будто неохотно.

В это же время, на земле, перед чернильной стеной вспухли первые огненные взрывы – аколиты со стен выборочно уничтожали вырвавшихся вперед гончих. В том числе своими действиями вызывая внимание скрытых пока пеленой колдунов Стужи на себя. Успешно вызывая внимание – Алисия видела, как вырываются из густой чернильной пелены отдельные снежные щупальца, как вылетают из них ледяные глыбы, оставляя каждая за собой в полете белесый шлейф холодного воздуха.

Аколиты на стенах вступали в бой первыми – рискуя жизнями, но тем самым давая шанс остальным защитникам вычислить позиции высокоранговых колдунов. Первые падающие ледяные глыбы между тем достигли городской стены, встретившись с магическими щитами. Сверкнуло серией ярких вспышек, от напряжения в воздухе проявились горящие желтым огнем линии сопряжения гексагонов накрывающего город защитного купола. Через пару мгновений Алисия ощутила, как пол под ногами ощутимо вздрогнул. И, прислушавшись к себе, бесстрашно глядя на надвигающийся вал магической бури, она приняла решение.

– Мы остаемся, – негромко произнесла Алисия, взяв лежащую на плече руку Нессы и крепко ее сжав.

Несса лишь задумчиво кивнула, по-прежнему вглядываясь вдаль, где к стене бежали орды тварей. Глаза девушки светились желтым отблеском, ярче засияли линии татуировки на лице – Несса для сохранения самообладания и трезвого мышления прибегла к способностям, данным ей богиней. И сейчас, в общем, была с Алисией согласна.

Позади девушек вдруг послышались громкие крики варгрийских офицеров. В них слышалось удивление и даже, как Алисии показалось, радость. Оборачиваться она не стала, потому что и впереди было на что посмотреть: обходящий и обхватывающий город с севера край бури неожиданно истончился. Практически на глазах в закрывающей весь обзор темно-фиолетовой стене появилась прореха, вокруг которой хаотично закружились снежные вихри.

Надвигающаяся на Новгород стена магической бури при этом словно бы споткнулась. Минута, две, три... и приближающийся к Новгороду чернильно-фиолетовый вал начал отступать. Никто не мог понять, что происходит, – Алисия по-прежнему слышала у себя за спиной удивленные и возбужденные возгласы, в которых читалась уже откровенная и несдерживаемая радость облегчения.

Через полчаса наблюдений стало ясно – надвигающаяся буря отступила, но не уходит. Из показаний датчиков яркости Сияния следовало, что, потеряв часть питающей ее энергии, Пелена Стужи истончилась и скрывающиеся под ней демоны перегруппировывались, а несколько отрядов даже уходило. Об этом сейчас, держа перед собой планшет с картой местности, докладывал Алисии командир отряда ее телохранителей.

– Вопрос только куда, – услышала вдруг Алисия.

– Что? – обернулась на звук голоса она. И увидела рядом варгрийского полковника из черных егерей. Он сейчас, покинув сдвинутые столы с расстеленными на них картами и активированными магическими проекциями, подошел к окну и встал неподалеку от опальной герцогини, вглядываясь в отступившую, но по-прежнему заполонившую горизонт чернильную пелену.

Посмотрев на полковника, Алисия обратила внимание на его глаза – желтые, с вертикальными звериными зрачками. В Варгрийском царстве Кодекс Конгрегации инквизиции ратифицировали, вот только соблюдали его демонстративно-выставочно, в основном в приграничных с Империей городах; на дальнем востоке же, особенно среди черных егерей, запрещающие положения Кодекса у командования варгрийских частей вызывали только усмешку. Вот и сейчас Алисия по глазам полковника видела, что он прошел как минимум одно оборотное превращение, сроднившись душой с одним из измененных хищных зверей. Судя по желтому цвету глаз, с кем-то из рода кошачьих.

– Демоны. Они уходят, ваше сиятельство, – повторил полковник, обращаясь к Алисии. – И уходят не просто демоны, а самая настоящая Дикая охота, сразу несколько отрядов. Это не менее сотни всадников, которые только что покинули расположение орды и отправились туда, откуда совсем недавно пришли. Почему я и говорю, что возникает вопрос: куда и зачем они уходят, причем так спешно...

Пока полковник говорил, Алисия коротко посмотрела на начальника своей охраны. Тот едва заметно пожал плечами – информации про наличие в наступающей орде вторжения Дикой охоты у него не было, даже неподтвержденной.

– Эта информация пока эксклюзивна, получена только что от моих разведчиков, – усмехнулся полковник, заметив недоумение гвардейца Альба. – Так вот, о чем я: вряд ли сразу столько высших демонов со свитой отходят от столицы потому, что один из генералов вторжения вдруг вспомнил, что забыл дома включенный утюг. Поэтому я и размышляю, куда и зачем они все сейчас так спешно отправились?

– Они идут обратно, – произнесла Несса. И тут же смутилась – потому что невольно и случайно озвучила вслух собственные мысли, а впечатлением получилось так, словно она подтверждает очевидное.

– Вот именно. Вот именно, – повторил полковник, совершенно не заметив смущения Нессы. Она же, посмотрев на полковника, вдруг расширила глаза. В ее взгляде только сейчас появилось узнавание – ведь перед ней стоял тот самый офицер, что принял на себя командование во время прорыва демонов Инферно в Хвойной заставе.

Полковник заметил, что Несса наконец его узнала, и едва заметно ей улыбнулся, сопроводив улыбку кивком. Собственно, поэтому – потому что сам он не так давно обратил внимание на знакомое лицо, полковник и подошел, начав разговор сразу с козырей эксклюзивной информации. К этой девушке у него имелось довольно много вопросов по поводу ее спутников – по поводу тех, с кем она была в Хвойной заставе. И сейчас он намеревался эти вопросы ей задать.

Между тем, во время продолжающегося разговора варгрийского полковника с Алисией и Нессой, в дальнем конце ресторанный зала, в тени оплетающей мраморную скульптуру лозы, расположилась юная и красивая девушка, со стянутыми в тугой хвост на затылке черными волосами. Она была в обтягивающем черном артефакторном костюме Гильдии авантюристов, но пряжка на ее поясе генератора силового щита была не гильдейская, а выполненная в форме золотого скорпиона. И сейчас практически безотрывно затянутая в кожу костюма девушка внимательно наблюдала только лишь за одной Алисией Альба.

– Мари, это авантюра, – совсем негромко произнес сидящий рядом с ней брат. – Ты же видишь, она осталась в городе, я бы не стал рисковать. Пусть даже за эту эскападу и обещают миллион, по моему мнению, это не стоит возможного риска и репутационных...

Молодой человек продолжал говорить, но сестра ему не отвечала и даже больше не слушала. Мария д'Энтенса, которая откликнулась на призыв новгородского князя и привела из Дикого поля на защиту города вверенный ей отряд военной компании своего отца, продолжала внимательно и безотрывно наблюдать за беловолосой герцогиней.

Суматоха приближающегося и пока несостоявшегося генерального сражения Марию совершенно не занимала. В окружающем безумии у нее в первоочередных планах была своя, в масштабах прочего совсем небольшая битва. Война войной, пусть даже и цивилизационная, но личные обиды она никогда не забывала и не спускала. И пусть даже Республика находится на грани краха, Марию больше заботил неотданный долг герцогине Альба. Возможность расчета с которой Мария, наблюдая из-под полуприкрытых ресниц за беловолосой девушкой, сейчас неспешно обдумывала. Да и миллион золотых реалов за голову опальной герцогини Альба – сумма совсем нелишняя.

Мария, повернувшись к продолжавшему что-то говорить брату, посмотрела на него успокаивающе и на несколько мгновений прикрыла веки, этим движением подразумевая уверенный кивок. Она знала, что делает, и она умела ждать.

Ведь месть – это блюдо, которое подается холодным. В контексте надвигающейся и окружающей Новгород Стужи эта мысленная сентенция показалась Марии двусмысленной, и она не выдержала, невесело усмехнувшись. Ей совершенно не нравилось происходящее вокруг. Ее, как и других, пугало вторжение Стужи, но при этом Мария не забывала о своих интересах и радовалась открывшемуся окну возможностей.

Ведь не будь вторжения, к герцогине Альба она, без невероятной удачи, в иных условиях не смогла бы подойти даже на расстояние выстрела. А сейчас беловолосая герцогиня находилась почти на дистанции вытянутой руки, практически беззащитная в моменте общей суматохи вокруг. И Мария собиралась правильно распорядиться шансом, который так щедро ей сейчас дарит судьба.

Глава 2

Вместе с Марко и бойцом-фельдшером, имя которого я так и не вспомнил и не узнал, мы с вершины горы быстро добежали по проторенной Никласом дороге до грузовиков. Двигатели мобильных так и работали, что вызвало мою неподдельную радость – даже медленно ехать все равно по времени выходит выгоднее, чем быстро бежать. И, продолжая путь на колесах, мы получали возможность увеличить скорость передвижения в сторону Мессены, а Никлас получал возможность дожить до попадания в Священную рощу. Если она, конечно, выстояла под напором орды вторжения – о чем, впрочем, я старался сильно не задумываться.

Марко с фельдшером погрузили носилки с Никласом в красный грузовик, мы вчетвером, вместе с Юраем, Симоном и Стефаном, погрузились в серый, крашенный от руки. Места для разворота на узком серпантине было совсем мало, и сейчас нам предстояли весьма опасные маневры.

Пока Юрай разворачивался, безотрывно глядя по сторонам и контролируя мобиль на узкой дроге, Симон и Стефан все больше обращали внимания на наших новых спутников. Пелена дыхания Стужи постепенно уходила все дальше, и призрачные волки-варги, бегущие рядом с нами с самой вершины, истончались. Сначала потеряв материальность, а теперь и вовсе постепенно исчезая с глаз. Ярko горели только зеленым сиянием глаза, тела же размывались в призрачной дымке.

Никто вопросов не задавал, но я чувствовал неприкрытый интерес и волнение – а вдруг волки, едва придя, навсегда исчезнут? Пришлось объяснить природу появления призраков-варгов, которые в материальном состоянии могут являться только в границах Места силы либо же в зонах концентрации яркого Сияния. После моего объяснения бойцы успокоились.

Оба грузовика к тому времени практически синхронно завершили разворот, и мы уже ехали вниз. Торопились при этом на грани риска – несколько раз, когда красный грузовик впереди юзом скользил перед поворотами, цепляясь за дорогу рубчатыми колесами, даже у меня сердце екало. Но совсем медленно и аккуратно ехать не вариант – время утекает как песок, так что на риск при спуске ведущий грузовик первым Марко шел сознательно.

На развилке разъехались без прощаний – красный грузовик направился в сторону Арконы, почти сразу исчезнув из виду за очередным поворотом, мы же повернули в другую сторону, к туристическому парку Высогорье. Снега здесь, на участке староимперского серпантина, было немало, но из-за удаления Места силы, вокруг которого концентрировались самые сильные завихрения Дыхания Стужи, сугробы оказались преодолимыми. Несколько раз возникали проблемы, но с ревом мотора, враскачку, сложные и замеченные места мы проезжали. Во время одного из таких моментов окончательно истончились и исчезли с глаз призрачные варги.

Снега постепенно становилось меньше, а скорость вырастала. Спустившись по староимперскому серпантину с другой стороны горного кряжа, мы оказались в долине среди ярких и словно игрушечных домиков. Здесь уже начинался туристический национальный парк «Высогорье», в котором обычно отдыхало немалое количество людей. Сейчас... вокруг было снежное безмолвие. Впрочем, некоторых из застигнутых здесь Стужей туристов мы периодически замечали в виде бездушных, которые то и дело выходили нам навстречу на тихих, занесенных снегом улочках. На опасно высокой скорости мы ехали по долине, пробиваясь через сугробы и переваливаясь через массивные ледяные торосы.

Мобилей вокруг – на занесенных снегом гостиничных стоянках, скопилось много. Но нигде не было видно живых людей – судя по нагромождению массивных ледяных шипов, видневшихся во многих местах, именно здесь по долине проходила основная часть орды вторжения. И здесь, в отличие от Арконы, скорее всего, не выжил никто.

На другой стороне долины возможность передвигаться на колесах кончилась – вместе с дорогой. Мы оказались у площадки, с которой начинались горные пешеходные маршруты. Здесь, с сожалением, но без задержек, попрыгали из так выручившего нас грузовика. Все, закончилась техническая возможность увеличения скорости, дальше в горы только ножками: разбитые фуникулеры грудой лежали на рельсах навалом в ледяной каше, и оживить их не было никакой возможности без инженерной бригады; а через склон горы выше проходила ледяная шипастая гряда, выломавшая и обрушившая сразу несколько вышек канатной дороги.

Выстроившись в колонну, мы двинулись под уклон наверх – чередуя одну за другой лестницы с пологими подъемами широких троп, считая уже ногами остающиеся позади лиги пути. Сугробов здесь было немного, но периодически мы меняли порядок движения – потому чтодвигающийся первым, тот, кому выпадала доля торить тропу, выдыхался довольно быстро.

Таким первым совсем недавно был я и, встав в хвост небольшой колонны, глядя в спину Стефана, приводил дыхание в порядок. Прелесть нагрузкам бега по сугробам придавала необходимость постоянного подъема, в том числе по ступеням лестниц, – и передняя поверхность бедра уже ощутимо ныла от боли усталости.

Сколько живу на этом свете – причем уже вторую жизнь, постоянно замечая, что любая маневренная война, будь это локальный конфликт человеческих армий либо же сражения с демонами Инферно, – это прежде всего бег. Даже несмотря на все достижения магии, имеемые в наличии технические средства хранителей, технологии порталных перемещений, а также гильдейские мобили и механизмы. Да, до места битвы мобиль, транспортер или портал доставит, а дальше... Наступать – бежим, отступать – бежим; менять позицию – тоже бежим, преследуем противника, уходим из зоны обстрела, выносим раненых – опять бежим. Все бегом, бегом, всегда вперед бегом.

Бег как тренировка, тем более бег по пересеченной местности в сложных условиях, мне никогда не нравился. Но как гласила виденная мною однажды надпись в казарме одной из новгородских воинских частей: «...в критический момент никто и никогда не поднимается на уровень своих ожиданий, а всегда остается только на уровне своей подготовки».

Подготовка у нас у всех была традиционно-классическая – беговые тренировки мы с постоянной периодичностью потребляли на завтрак, обед и ужин, а иногда, по счастливым дням, и вместо. Так что сейчас, пользуясь приобретенными навыками и умениями, а самое главное – воспитанной постоянными тренировками выносливостью, мы бежали, бежали и бежали под уклон наверх, периодически поднимаясь по крутым лестницам.

Двигались мы так спешно, потому что понимали – бежим наперегонки с наверняка возвращающимися к уничтоженному Месту силы демонами. Убийство пары колдунов и десятков ледяных гончих могло остаться незамеченным, а вот прерывания чистого Дыхания Стужи нет. Так что сомнений в том, что к нам двигаются отряды демонов, никаких не было, и мы стремились уйти как можно дальше, пока нас не обнаружили.

Пусть нам и предстоял путь в несколько сотен лиг, но терять не хотелось даже секунды. Ведь сейчас мы, пусть и незаметно для остального мира, участвовали в масштабной битве человеческой цивилизации с ордой вторжения. Поэтому и бегать нам пришлось – по масштабам происходящего, много и на максимально возможной скорости. Наступил наконец момент, когда пригодился критически важный сейчас опыт постоянных, выстегивающих полностью все силы марш-бросков, совершаемых на самой грани возможностей организма.

Через несколько часов подъема на гору начала проявляться тяжелая, накапливающаяся усталость – после которой дальше только потеря сознания. Стимуляторы применять я пока команды не давал – у нас впереди Мессена, пригодятся еще. Поэтому вынужденно, для отдыха, мы теперь все чаще периодически переходили на быстрый шаг. Привалов не делали – ввязавшись в авантюру с рейдом в самое сердце зоны прорыва, я прекрасно понимал, что промедление может стоить очень дорого.

Закончился отдых – теперь расслабиться можно будет, только когда все закончится.

Поднявшись наконец на вершину горы к смотровым площадкам, по узким улочкам заснеженного высокогорного парка развлечений мы по указателям вышли на туристическую тропу, ведущую в сторону озера Рендина. Сначала знакомый всему Западу по рекламным проспектам «высокий путь, который в жизни должен увидеть каждый» вел нас по широкой аллее, с сосновыми рощами и даже фонтанами в скульптурных композициях по сторонам, потом дорога все более сужалась, после и вовсе превратившись в узкую горную тропинку. Вскоре мы оказались на той самой знаменитой «воздушной тропе» – идущей вдоль горы, по ее отвесному склону, представлявшей собой узкую дорожку со стеклянным полом. Дорожку на высоте более чем в тысячу метров.

Здесь мы уже бежали довольно аккуратно – стекло под ногами было покрыто слоем мокрого снега, подошвы по нему легко скользили. Непривычный к снегу Юрай, бегущий первым, едва ступив на стеклянную дорожку, проехал сразу несколько метров и со звучным шлепком неуклюже приземлился навзничь – не успев при этом сгруппироваться и в полете выдав несколько примечательных движений. После столь звонкого своим шлепком падения передвигать ноги все стали гораздо более внимательно, учитывая скользкую поверхность.

Пройдя девять с половиной лиг (считая их по указателям) по сети «воздушных» троп – из семи разных участков, преодолев еще и два висячих поста между вершинами, предназначенных для любителей совсем авантюрного отдыха, мы наконец оказались на другой стороне горной гряды, выйдя к промежуточной цели – озеру Рендине. Вид отсюда, с вершины, открывался изумительный – перед нами внизу раскинулась длинная, протяженностью более пятидесяти миль, водная гладь.

Сейчас, под лучами выглянувшего из-за облаков солнца, озеро выглядело потрясающе. Даже несмотря на сильный ветер, который гнал по его поверхности волны с белыми гребнями. Но этот ветер дул с юга и был теплым, а не стывшим и пронизывающим, как недавно во время снежной бури, сквозь которую мы пробивались с невероятным трудом.

Городок снизу, к которому вела пешеходная туристическая тропа, отсюда казался нетронутым Стужей. Красные черепичные крыши практически без белых снежных пятен, узкие улочки утопали в яркой зелени. Если не сильно присматриваться, то впечатление, будто старый, привычный и живой человеческий мир вдруг ожил, сбросив оковы Стужи.

Впрочем, в общем-то, так оно и было – холод уходил, в окружающий мир возвращалось привычное тепло. Не очень нам сейчас благожелательное – так как мы торопились, при спуске на скользком мокром снегу и подтаивающем льду все, в том числе и я, по несколько раз падали, к счастью без травм. Но с впечатлениями: один раз Стефан и Симон едва не улетели в пропасть – когда, свалившись, врезались в не выдержавшее их ограждение тропы. Мы с Юраем успели обоих поймать, но неприятные воспоминания о беспомощности в падении у них, несомненно, остались. Особенно у Стефана, который повисел прямо над пропастью, удерживаемый только Симоном за транспортировочный карабин на рюкзаке, а Симона в свою очередь в это время вытягивали на ровную поверхность мы с Юраем.

Спустившись наконец – усталые и в полном составе – к берегам озера, мы оказались в небольшом городке. И здесь мы, в предместьях, сейчас бежали вдоль лимонной рощи. Частично покрытые тающим снегом ярко-желтые лимоны и зеленая листва выглядели по-настоящему сказочно; если, конечно, не знать, что именно послужило причиной подобного вида.

По всем признакам было видно, что магическая буря Стужи прошла по городку самым краем. Следов ледяной орды не заметно, жители здесь остались – нас замечали, навстречу из домов выходили люди. Многие пытались нас остановить, спрашивали, что происходит. Но я, на бегу, отделался только парой фраз скомканных объяснений. Подспудное предчувствие надвигающейся погони меня буквально гнало вперед, не давая сделать даже секунды передышки.

Передвигаясь по предместьям в сторону центра, я внимательно осматривался по сторонам. Рассчитывая возможности добраться на другую, южную оконечность озера, я в первую очередь держал в уме вариант найти полицейский или пожарный мобиль, реквизировать и доехать на нем. Поэтому, пока мы, перейдя на быстрый шаг, двигались к магистрату, скомканно отвечая на вопросы вываливших на улицы людей, я смотрел вокруг в поисках подходящего транспорта или ответственного человека в мундире, который может мне с этим помочь. Но в происходящее неожиданно вмешался слепой случай эха из прошлого.

– Кайден! Кайден, милый! – раздался вдруг неподалеку радостный крик.

Едва я обернулся, как перед глазами мелькнуло шикарное белоснежное манто, и на меня буквально запрыгнула, заключая в объятия, прекрасная Филиппа, баронесса Бланшфор.

– Кайден, мой хороший, как хорошо, что ты пришел! – прижавшись и крепко меня обнимая, быстро заговорила Филиппа, сбиваясь и глотая слова. – Я так боялась, так боялась, я не понимала и не понимаю, что вообще происходит...

Филиппа сделала короткую паузу. В иной ситуации мне, наверное, следовало бы задать ей вопрос: «Как ты здесь оказалась?» Но сейчас мне было немного наплевать, как именно и почему Филиппа здесь оказалась. Осознание невидимой пока погони давило на плечи плохим предчувствием все сильнее.

Филиппа моим молчанием не смутилась, вновь забросав меня словами рассказа – из вежливости я ее не прерывал, давая возможность высказаться. Но при этом и не останавливался – Фили повисла у меня на плече, а я по-прежнему двигался к магистрату города, не замечая удивленных, наполненных ожиданием взглядов людей, которых на улицах становилось все больше.

– Кайден, милый, познакомься, это Гжегож Конопка, советник новгородского князя по торговой политике, мой хороший друг. Мы здесь вместе, на отдыхе...

«Хороший друг» Филиппы – вот и ответ, почему этот господин сейчас семенит, не отходя от Филиппы, прямо за нами. И после ее слов княжеский советник приобрел немного растерянный вид. Видимо, он желал сохранить инкогнито, но расчувствовавшаяся Фили сейчас просто потеряла голову от радостного возбуждения встречи со мной.

Ее уже буквально несло в быстром и торопливом, но при этом весьма обстоятельном рассказе – вернее, кратком пересказе событий. За считанные секунды ее сбивчивой и дробной речи я услышал, что Фили вместе с «хорошим другом» Гжегожем приехали отдохнуть на Рендину, провели здесь чудесные праздничные выходные, а после оказались застигнуты врасплох ухудшением погоды. Всякая связь пропала, ночами холодно было так, что мобили не заводились, а выходить на воду на лодке было боязно – из-за сильного ветра озеро штормило, волны поднимались высотой даже в несколько метров.

– На лодке? – вычленил я главное.

– На лодке, – активно покивав, подтвердила Филиппа.

– И где эта лодка?

Широким взмахом руки, одновременно оборачиваясь, Филиппа показала в сторону марины. Мы уже вышли на площадь перед магистратом, и одна из широких улиц уходила отсюда вниз под уклон, к берегу. И еще отсюда было хорошо видно небольшую марину, где, среди многочисленных, тесно составленных небольших яхт и лодок, словно лебедь среди уток, выделялась приличных размеров моторная яхта.

Названия городка, в котором мы сейчас находились, я не помнил. То ли Лоньяно, то ли Лохьяно, то ли что-то вроде этого на «Л». Зато помнил, что городок этот, в отличие от расположенных на южной оконечности Рендины, не был фешенебельным курортом – здесь отдыхали в основном обычные люди. Именно поэтому, полагаю, для сохранения инкогнито, сюда и привез новгородский княжеский советник Филиппу на выходные – чтобы не встречать во время прогулок и отдыха знакомые лица и не слышать неудобные вопросы.

Моторная яхта, на которой без сомнений прибыли сюда Филиппа и Гжегож Конопка, внушала. Серебристая, длиной не меньше пятнадцати метров, с зеркальным наклонным остеклением рубки. Очертания корпуса, да и вообще весь вид яхты, даже находящейся сейчас в неподвижности, буквально кричали о воплощенной скорости и роскоши. На баке, на приподнятой носовой площадке виднелись предназначенные для отдыха и загара специально оборудованные места, а на корме – вписываясь в общие очертания, располагалась широкая, почти в уровень воды площадка для купания.

Рассмотрел и оценил моторную яхту «роскошного отдыха выходного дня», как у продавцов приятного времяпрепровождения называется такой тип судов, я за считанные секунды. И больше всего мне понравились в облике яхты ее стремительные очертания. Филиппа же, мгновенно переключившись по направлению фокуса моего внимания, продолжила сбивчивый рассказ:

– Погода давно улучшилась, но, *bordel de merde*, нам никуда не уйти! Дороги дальше по побережью завалены ледяными глыбами, а команда лодки, Кайден, милый, ты представляешь, сбежала! Гжегож сказал, они все из Бернгланда, у них ни стыда, ни чести! Сразу после того как морозы спали, они пешком двинулись через перевал Мьельбелл к себе домой. Здесь же больше ни одного механикуса с допуском нет, и мы...

Дальше я Филиппу уже не слушал. Оборвав речь баронессы взглядом и резким жестом, обернулся к Юраю. И взглядом показал ему на серебристую яхту, заметно выделявшуюся в марине среди других судов. Юрай, в свою очередь, в ответ на мой невысказанный вопрос перевел взгляд на Симона со Стефаном. Молодые варги практически сразу же синхронно и уверенно кивнули – показывая, что с управлением яхтой разберутся.

Отлично, просто отлично.

Люди со знанием механики всегда на вес золота, а умеющие разбираться с лодочными моторами – так вообще. Учитывая монополию Гильдии механиков, позволить себе иметь среди слуг фамилии личного водителя или технического специалиста могли только такие богатые, как Альба, дома; получение же знаний не под эгидой Гильдии являлось нарушением закона и всегда строго преследовалось имперскими властями.

Преследовалось в имперских землях с сильной властью доминиона – в иных местах, где имперские власти не обладали всей полнотой влияния и власти, дело обстоит иначе. В благополучных и удаленных от разломов регионах Запада и на Европе нелегально выучившийся и работающий без лицензии и без патронажа Гильдии механик представлялся немыслимым явлением, а вот у нас во Врангарде, к примеру, подобное было обыденностью.

Нелегальное обучение защищенным гильдиями и цехами профессиям во Врангарде нашей правящей фамилией всегда, неофициально, только приветствовалось. Так что сейчас никакой проблемы с яхтой не виделось – и по указующему жесту прекрасно понявшего меня Юрая Симон и Стефан сорвались с места бегом, к марине. Я же обернулся к собравшимся поблизости людям. Которых стало настолько много, что нас с Юраем и Филиппой, а также стоящим вроде бы рядом, но одновременно чуть поодаль княжеским советником Гжегожем окружила плотная толпа. Я уже и бургомистра увидел – которого искал еще минуту назад для одобрения по реквизированию транспорта, но теперь он мне был совсем не нужен.

Предчувствие погони по-прежнему гнало меня вперед, давило необходимостью бежать отсюда, спешить и двигаться следом за Симоном и Стефаном. Но уйти просто так я уже не мог – подняв руку, заставил гомон толпы притихнуть.

– Уважаемые. У меня для вас есть несколько новостей, и все они не очень хорошие. Не далее как неделю назад параллельно со шрамами-близнецами Инферно на Западе открылась череда ледяных разломов, из которых появилась и двинулась на наши земли орда вторжения демонов Стужи. Это серьезная угроза нашему миру, которую нельзя недооценивать – на восточном направлении демоны дошли уже до столиц Варгрии и Новгорода. Несколько часов

назад мы, – короткий жест и взгляд на Юрая, – разрушили одно из ледяных Мест силы близ Арконы, через которое проходил энергетический поток дыхания Стужи. Именно с этим связаны столь заметные положительные погодные изменения. Которые, вынужден вас расстроить, очень возможно, могут быть лишь временными. Опасность, нависшая над вами, не просто не ушла, она постепенно сгущается. И да, вашему городу очень повезло – в Арконе и в туристической зоне Высогорье, чтобы вы знали, погибли или потеряли свои души почти все – выживших лишь считанные сотни...

Я говорил и краем глаза видел, что кто-то в толпе снимает мою речь с помощью визиокамеры. В другой ситуации, в прежнем мире без Стужи, я за подобный поступок заставил бы оператора глубоко пожалеть, возможно даже заставив его собирать осколки разбитой камеры сломанными пальцами. Но сейчас даже не обратил внимания, продолжая говорить.

– ...поэтому ввиду возникшей опасности я, избранный богиней Морриган индигет первого сословия, наследник Дома Рейнар и владыка Северного Круга, пользуясь авторитетом данной мне богами силы и правом рождения, не приказываю, но прошу: местному самоуправлению вскрыть арсеналы, если таковые имеются, вооружить и разделить жителей на небольшие и примерно равные группы. Подготовить места защиты от возможного возвращения холодов, температура которых может достигнуть экстремальных, несовместимых с жизнью значений. Убежища нужно оборудовать в срочном порядке и по фортификационной науке: желательно углубленные под землю, с возможностью их отапливать и при необходимости держать оборону от демонических тварей. В случае возвращения холодов – прятаться и ждать. В случае появления демонов – сражаться за свою жизнь.

– Чего нам ждать? – подрагивающим голосом спросила дородная женщина.

– Нашей победы, – отстраненно пожал я плечами.

Все то время, пока говорил, я то и дело нервно поглядывал в сторону моторной яхты, на борт которой уже взошли Симон и Стефан. Сейчас ожидал от них отмашки о готовности или неготовности судна к переходу. Мои слова между тем особого энтузиазма не вызвали – более того, раздались отдельные испуганные возгласы, выкрики и даже плач. Прозвучало и несколько комментариев, которые можно было бы назвать пораженческими.

На рубке яхты вдруг загорелись ходовые огни. Отмашки от видимого мною Стефана еще не было, но я уже не сомневался, что яхта сможет ожить и повезти нас на южную оконечность озера – что должно серьезно сэкономить время в дороге. И перед тем как направиться по наклонной улице вниз, к марине, я осмотрел собравшихся вокруг жителей.

– Вам всем сейчас остается только ждать, молиться и верить. Индигеты, армии и боги Юпитера делают и сделают все, чтобы остановить и прогнать демонов Стужи туда, откуда они пришли, – произнес я единственное, наверное, что мог сейчас произнести.

По старой въевшейся привычке для максимального авторитета своих слов я поднял правую руку, привычно заставляя сверкнуть импульсом силы перстень Спарты. В последний только момент вспомнил, что меч со времени дуэли неактивен – но, на удивление, перстень ярко взблеснул вспышкой. Удивительно. Значит, артефакты Корпуса полностью рабочие, а отсутствие ответа от мечей значит только то, что для нас пятерых оказалась закрыта связь перстней с пространственными карманами. Чьей только волей эта связь закрыта – вот вопрос вопросов.

– Филиппа, Гжегож, пойдемте, вы нас проводите до вашей лодки, как раз и поговорим немного, – сохраняя видимость вежливости, произнес я, увлекая за собой Филиппу и переходя на быстрый шаг.

– Что значит «проводите»? – засеменила рядом Филиппа, то и дело переходя с шага на бег и обратно – едва за мной поспевая. При этом она пыталась забежать вперед и заглянуть мне в глаза.

– Мы реквизируем катер и отправимся в Рива-дель-Рендину, а оттуда по Северному пути в Мессену.

– Я пойду с тобой.

– Не говори ерунды, Фили. Мы двигаемся в опасное место, в Мессене средоточие Стужи, для тебя это приговор.

Мы по-прежнему переговаривались на ходу – я шел быстро, а она семенила рядом бегом, потому что не выдерживала моего темпа.

– Это ты не говори ерунды! – совсем неожиданно голос баронессы вдруг обрел незнакомую мне раньше силу.

Надо же, как мы заговорили – на ходу поймал я взгляд баронессы. Звонко, громко – так и до владения Голосом недалеко. Откуда только это у нее – рожденной в третьем сословии?

– Мне страшно, я ничего не понимаю, так что я пойду с тобой, и точка! – ничуть не смутилась Филиппа. Сначала не смутилась, но под моим взглядом глаза опустила. Она была отнюдь не глупой женщиной и прекрасно увидела и поняла, что мною подобный вариант ее желаний совершенно исключается.

По моему взгляду она все прекрасно поняла, но я ее совсем недооценил – Филиппа все же, ценой жизни своего мужа, к окончанию земного пути которого я приложил руку, поднялась из третьего сословия во второе. И сейчас Фили, совершенно неожиданно для меня пользуясь возможностями приобретенных сословных привилегий, схватила меня за руку и вдруг рухнула на колени. При этом держалась она так крепко и цепко, что несколько метров на коленях я ее просто протащил за собой. Фили же, не обращая на это внимания, начала говорить:

– Я, дева Филиппа, баронесса Бланшфор, пред лицом богов клянусь любой ценой защищать Кайдена де Рейнара, исполнять его приказы и говорить ему только правду и ничего, кроме правды; клянусь сохранять боевой дух и не проявлять трусости, клянусь чтить богов и защищать веру и землю, клянусь проявлять великодушие к поверженному сопернику и признавать Кайдена ре Рейнара своим сюзереном...

Филиппа, пока я по инерции тащил ее за собой на коленях, говорила быстро-быстро и при этом довольно сбивчиво, повторяясь и намешав слова самых разных клятв.

– ...именем и честью своей клянусь, – длинными ногтями Филиппа коротким жестом расплосовала себе запястье.

Мешанина и малосвязанность фраз, надерганных явно из глубины памяти виденного ей на самых разных торжественных мероприятиях, вдруг стала неважна. Истинность клятвы Фили подтверждала на крови – и на мою левую ладонь, прямо на линии усиливающей татуировки, попало несколько капель, моментально засветившись алым Сиянием.

Довольно странно – Морриган ее клятву не подтвердила; каким богам служит Филиппа, я не знаю, ведь их ответа не увидел. Но Сияние – пусть и алое, появилось, а значит, клятва искренна и состоялась. Вопрос теперь только в моей согласии ее принять.

– Я принимаю твою клятву, Филиппа Бланшфор. Встань и пошли уже.

– Кайден, милый, я так тебя люблю, ты бы знал! – прежним тоном произнесла Филиппа, поднимаясь с колен и уже на бегу меня обнимая.

– Теперь я могу приказать тебе здесь остаться.

– Но ты ведь этого не сделаешь, мой лорд?

В ответ я только тяжело вздохнул.

– До Рива-дель-Рендины с нами. Дальше посмотрим, – сдержанно произнес я, переходя на бег и мысленно ругая себя за проявленное малодушие.

– Кайден, милый, не злись, – также переходя на быстрый бег, заговорила Филиппа. – Чует мое сердце, что впереди большие неприятности. У меня оно в особняке Капельмордов даже перед твоей дуэлью так не чуяло, как сейчас.

– Рядом со мной... – начал было я.

– Рядом с тобой самое безопасное место, милый, – еще тише проговорила Филиппа, умудрившись прильнуть на бегу ко мне и сказать это почти на самое ухо. Слова ее при этом явно предназначались мне и только мне.

Советник новгородского князя Гжегож Конопка, кстати все это время двигавшийся рядом с нами, так и не вымолвил ни слова. Он лишь переводил удивленный взгляд то на меня, то на Филиппу. Не встречается, умный мужчина – иные советниками князя по торговле не становятся. Он, так и не произнес ни слова, остался на берегу, сопроводив нас до марины, но остановившись в самом начале пристани. Гжегож лишь прощально помахал Филиппе, получив от нее воздушный поцелуй и последнее прощальное: «Это были прелестные выходные, друг Гжегож!»

Ан нет, не последнее прощальное – Филиппа, остановившись и вернувшись к нему, сорвала с себя меховое манто, повесив его Гжегожу на шею. «Боюсь, потеряю» – услышал я, как сообщила Гжегожу баронесса, резко развернувшись и уже бежавшая к сходням на причале.

Только сейчас, после того как она избавилась от манто, я заметил, что Филиппа облачена в обтягивающий костюм для верховой езды, который – вкупе с высокими, выше колен сапогами, ей удивительно шел. До этого момента белизна шикарного манто, созданное расстегнутой молнией заманчиво глубокое декольте и блеск бриллиантовых сережек в ее внешнем виде выходили на первый план, создавая общее впечатление. Так что я как-то неосознанно думал и воспринимал, что Филиппа передо мной чуть ли не в вечернем наряде.

Оказалось, нет, даже более того – подобный костюм, судя по фону магии, функционально не сильно отличается от артефакторного облачения авантюриста. В Империи подобное было бы невозможно, но мы уже на территории Республики. Здесь, как и в Варгрии или в дальних изолированных провинциях, все гораздо проще с игнорированием запретов Гильдий, Кодекса и прочих барьеров, определяющих права и привилегии сословий.

Когда Филиппа вперед меня забежала по сходням на яхту, я, глядя на ее обтянутые кожей штанов крутые бедра, вдруг вспомнил нашу «первую» встречу, на стоянке у Дома Правосудия. И подумал я при этом, что баронесса, может, не так проста, как кажется, – на том, что вырваться из поместья Кафельморов обычная женщина могла вряд ли, внимания я как-то в начале своей новой жизни даже не акцентировал. Просто принял сказанное ей к сведению и забыл, замыслив на фоне грядущей отправки в учебную часть Корпуса.

Впрочем, думал и размышлял я сейчас обо всем этом параллельно в движении – едва мы взошли на роскошную скоростную яхту, как Стефан с Юраем сбросили швартовы, и Юрай начал длинным багром отталкивать нос яхты от причала. Едва яхта повернулась в сторону чистой воды, как стоящий за штурвалом Симон – я видел его через стекло рубки, сразу после предупреждающего крика двинул вперед рычаг управления. Внушительно зарокотал движитель, вскипели буруны за кормой, и катер, заметно приподнимая нос, ощутимо ускорился. По пути к выходу из марины даже растолкав несколько небольших яхт и лодок.

Мы торопились, и Симон в угоду косметическим потертям корпуса не стал терять лишние минуты на маневрирование – мы секунды считаем сейчас, наше время – великая ценность. Сам я по-прежнему чувствовал невероятную тяжесть, подспудное ощущение надвигающейся опасности – нечто подобное, в значительно более слабом выражении, можно почувствовать в душный летний день перед грозой.

Надвигающаяся опасность преследования буквально осязаемо чувствовалась вокруг. Мое состояние уже давно передалось бойцам-варгам – после смешения крови это подобным образом и работает. И наша ментальная связь, особенно в минуты опасности или напряжения, будет только усиливаться.

Правота Симона в решении безжалостно таранить мелкие лодки и небольшие парусные яхты подтвердилась практически сразу же, едва мы вышли из марины и устремились к выходу из бухты. Потому что справа и слева, с пологих горных склонов прямо на нас уже катились

самые настоящие снежные лавины – скорость которых нарастала по мере продвижения вниз. Выглядело все это страшно, но при этом – на фоне лучей сияющего солнца, невероятно красиво.

Яхта уже стремительно летела по водной глади – по скоростным качествам совершенно оправдывая впечатление от своего внешнего вида. Мы сейчас приближались к созданной скальными уступами горловине бухты, куда стремились и катящиеся со склонов лавины – стремились, чтобы перехватить нас. Между тем с плеч у меня, несмотря на явную и видимую, неиллюзорную опасность, словно тяжкий груз подспудного ожидания свалился.

Вот она, погоня. Объявилась.

Глава 3

Глядя то на одну, то на другую приближающуюся лавину, я не мог понять, только ли это конструкты неизвестных колдунов или же под снежной пеленой скрываются демонические преследователи. Катящиеся по склонам снежные валы, высотой не менее десятка метров каждый, полностью скрывали, что или кто именно на нас сейчас надвигается.

Еще несколько секунд, и стало ясно – это «что-то» надвигается направленно: лавины меняли направление, пусть не резко, но постепенно поворачивая в нашу сторону, реагируя на движение катера. Инерция разгона лавин была велика, радиус поворота из-за этого небольшой, но тем не менее они неуклонно меняли направление.

Поворачиваясь то вправо, то влево, наблюдая попеременно за пологими склонами гор, я видел, что мы успеваем выскочить из бухты – скоростная яхта буквально летела над водой, оставляя за собой широкий пенный след. Все видели, что мы успеваем, но напряжение сохранялось. Симон в рубке – бледный как мел, сжимал рулевое колесо, то и дело поглядывая на приближающиеся по склонам лавины; Юрай и Стефан заняли места на корме, держа наготове оружие. Я предпочел остаться между рубкой и открытым кормовым пространством с комфортабельными кожаными диванами. Винтовки у меня не было, стрелять я не смогу, в отличие от Юрая и Стефана. Можно, конечно, взять оружие Симона, но делать этого я пока не собирался.

Филиппа, занявшая одно из трех комфортных смежных кресел поста управления в рубке, на удивление сохраняла спокойствие и молчание. Цепляясь за поручень и закусив губу, она, наблюдая за ледяными лавинами, периодически бросала на меня взгляды. И даже мило и смущенно улыбнулась, когда я пнул, чтобы не мешались, в проем спуска в каюту несколько катающихся под ногами пустых бутылок из-под вина. Из следов праздника души и тела вокруг были не только пустые бутылки, поэтому Фили удивительно мило смущалась даже в этой напряженной ситуации.

Узкий проход горловины бухты и свободная вода озера между тем были уже совсем рядом. Нам осталось только преодолеть созданный самой природой створ из выдающихся утесов береговой линии. Вот только в этот момент нас поджидал неприятный сюрприз – катящиеся с гор лавины вдруг стремительно ускорились. Снежные массы словно получили разгонный импульс, и достаточно сильный – со льдистым звоном из густой пелены начали возникать длинные ледяные шипы, устремившиеся в нашу сторону. С грохотом и звоном с невероятной скоростью лавины прокатились по склонам, ломая, как спички, деревья, прошли по прибрежной полосе и вылетели на водную поверхность.

Два стремительных ледяных потока, врубившись в воду, заставляли ее мгновенно замерзать – двумя надвигающимися барьерами закрывая горловину бухты. Пронзительно завизжала испуганная Филиппа, закричал выкрутивший руль Симон – левая лавина, изгибаясь по широкой дуге, приближалась быстрее, чем правая.

Все произошло в считанные секунды – мелькнула рядом вырастающая шипами ледяная стена, навстречу ей взмыл веер брызг из-под борта маневрирующей яхты. Из надвигающегося капкана мы вырвались буквально в последнее мгновение – проскочив между двумя звенящими и стремительно намерзающими массами. Лишь один из ледяных шипов нас достал вскользь, проскрежетав по поднятому над кормой широкому спойлеру, частично являющемуся и крышей рубки. Брызнуло ледяной крошкой, сорвало прочь небольшой флаг с гербом одной из новгородских провинций, взметнувшийся зеленым.

Сразу за кормой две встретившиеся под углом ледяные массы с оглушительным грохотом столкнулись, вверх и по сторонам разлетелись крупные осколки. Один из них догнал нас и несколько секунд, со шлепками, скользил по воде рядом справа по борту. Абсолютно так же,

как скачут пущенные по воде плоские камни-окатыши, бросками которых, считая, у кого будет больше касаний, почти все увлекались в детстве.

Ледяная глыба недолго нас сопровождала – врезавшись в первую высокую волну и подлетев высоко вверх. Сразу все изменилось: стоило яхте выскочить из созданного скалами створа бухты, как оставаться на ногах стало непросто. Спокойной воде на смену пришла нагоняемая южным ветром волна. Пусть и невысокая по сравнению с тем, что я видел в Северном море, не больше метра, но на этой волне яхта начала буквально скакать строптивым жеребцом, двигаясь в куче брызг и в сопровождении звуков ударов днищем об воду. Теперь, чтобы не только удержаться в стоячем положении, но и чтобы не быть выброшенным бьющей под ноги палубой, приходилось прикладывать немало усилий. Я обратил внимание, как, поймав момент, Филиппа извернулась, пристегиваясь в кресле. Молодец какая, додумалась.

Симон, постоянно оборачивающийся назад, скорость не снижал и не собирался. Было отчего – ледяные лавины, на месте столкновения которых высоко вверх поднималась снежная пелена, вновь набирали скорость и, расходясь по сторонам, двигались в нашу сторону. Продолжая нарастать движением вперед, оба скользящих уже по поверхности озера ледяных потока устремились за нами в погоню. Двигаясь сначала относительно медленно, оставшись на далеком расстоянии. Но я видел и слышал, как с ледяным звоном, нарастая, обе ледяные лавины постепенно начинают ускоряться. При этом сопровождающий их снежный вихрь понемногу опадал, истончаясь.

Двигались ледяные потоки сейчас не прямо по нашему курсу за кормой, а ускорились по широкой дуге – изгибаясь как справа от нас, так и слева. Явно для того, чтобы поймать нас в ледяную коробочку ловушки, лишив возможности маневрирования и отрезав от берегов. Ускорение нагоняющих нас потоков сейчас было следствием сильной магии – такой же, какая совсем недавно спровоцировала стремительный ледяной бросок лавин со склонов гор.

Из-за невероятной скорости преследующих нас ледяных потоков клубящаяся вокруг них снежная пелена совсем пропала под напором встречного южного ветра, так что теперь стало хорошо видно, кто нас преследует. Я в этот момент не сдержался и выругался – по каждой нарастающей на водной глади ледяной дороге двигалось не менее десятка закованных в устрашающую броню всадников. Выругался не только я – промолчал, похоже, только Симон, занятый рулежкой на волнах.

Было отчего ругаться – нас преследовал гон Дикой охоты.

Вот только привычная нам, привычная нашему миру, Дикая охота владык легионов Инферно перемещалась на демонических скакунах, оставляющих после себя след адского пламени. Кони, которые сейчас несли преследующих нас всадников-охотников, были наполнены дыханием Стужи. Копыта каждого горели ледяным пламенем, сияли льдисто-голубым глаза. И это сияние было видно даже у бегущих первыми коней, заметное за защитными пластинами морды. Я с нарастающим беспокойством обратил внимание, что сразу несколько демонических скакунов обладали полной лошадиной броней – что свидетельствовало о высоком ранге их наездников. Подобных, столь внушительного вида демонических скакунов Инферно я раньше вживую даже не видел – это уже, похоже, высшие демоны Стужи, самая их элита.

Неплохо мы на Месте силы пошумели.

Все ускоряющая бег по замерзающей воде Дикая охота была уже совсем рядом. Еще пара десятков секунд, максимум минута, и оба отряда окажутся на уровне нашей кормы, обходя яхту по сторонам. Преследователей уже можно было хорошо рассмотреть – полагаясь на силу и магическую мощь, догоняли всадники Дикой охоты нас сейчас совершенно открыто и уверенно. Они даже маскировочной пеленой не пользовались, как будто не опасались вообще ничего. Как будто у нас не было стрелкового оружия или мы условились по ним не стрелять...

– Симон! – закричал я на середине неожиданной мысли, оборачиваясь к рулевому.

Ледяные демоны, даже высшие, высокоранговые – такие как преследующие нас всадники Дикой охоты, только-только пришли в этот мир и пока явно несильно знакомы с возможностями стрелкового оружия. И если демоны Инферно уже давным-давно изменили свою тактику, перемещаясь только под покровом скрадывающей Пелены, то ледяные твари сейчас действовали нагло, прямо и открыто. И поэтому у нас, несмотря на численное и могущественное превосходство противника, есть серьезное преимущество козыря в рукаве.

После моего крика Симон обернулся и посмотрел с немым вопросом. В пару быстрых фраз я приказал ему разворачиваться, жестами объясняя направление и желаемый маневр. Но почти сразу же выставил открытую ладонь, задерживая выполнение команды.

– Юрай, Стефан! Держаться! – закричал я, добавив в последнее слово силы Голоса.

Юрай и Стефан, в отличие от Симона, не находились со мной совсем рядом. И мой обычный крик до них сейчас бы не факт, что дошел. С добавлением Голоса же прозвучало внушительно – мой приказ разнесся вокруг и вернулся оглушительным, даже подавляющим волю эхом. Мельком я подумал, что оставшиеся в покинутом нами городке люди, большинство из них, сейчас наверняка начали за что-нибудь держаться. Очень уж убедительно и широко по охвату получилось. Настолько убедительно и широко, что несколько скакунов Дикой охоты сбилось с шага, а один вовсе споткнулся и покатился по льду, сбросив с себя всадника.

– Не стрелять! – заорал я, отреагировав на готовность Юрая не дать всаднику вновь забраться на демонического скакуна. Рано еще стрелять: козыри – если их немного, хороши только в подходящий момент. Сливать их при первой же возможности – бездарная глупость.

Взмах рукой, и, повинуясь моему жесту, Симон положил яхту в крутой вираж. Судно отзывчиво отреагировало на движение руля, уходя в сторону, при этом подняв высокий шлейф брызг. Я не зря кричал, призывая держаться, – яхта, круто разворачиваясь, едва не взлетела полностью на волнах, а палуба ударила под ноги так сильно, что, даже держась за что-то, не будучи к этому удару готовым, в этот момент можно было банально улететь за борт.

«Разворачивайся, полный ход», – продолжал кричать и показывать я Симону жестами.

Расширив глаза, варгриец закивал. Он сейчас не совсем понимал, что я хочу сделать, но под сомнение мои указания не ставил. Главное, что не спорил: и мы, разворачиваясь по широкой дуге, не сбавляя скорости, сейчас двигались уже в обратном направлении, вдоль одной из ледяных дорог, по которой только-только мимо стремительно проскакали преследовавшие нас всадники.

Общий направленный ледяной натиск гона Дикой охоты, заставляющий поверхность воды превращаться в твердую поверхность, был невероятно силен. Но, превосходя нашу яхту в скорости – в момент выхода на прямую, отряды Дикой охоты уступали нам в маневренности. И разворотом мы выиграли прилично времени – сейчас всадники осаживали коней, замедляясь и только собираясь разворачиваться. Я, поглядывая на все это, склонившись над спинкой кресла, инструктировал Симона.

– Первую ледяную дорогу проходим насквозь, вторую не таранишь, поворачиваешь впритирку вдоль нее, отходишь подальше ото льда, снижая скорость, но продолжая маневрировать! Стараешься сохранять плавность хода, чтобы Юрай со Стефаном могли стрелять прицельно, ясно? – быстро говорил я, обращаясь к Симону и дублируя слова поясняющими жестами, перед его лицом показывая, где впритирку, где обходить, а в каком районе маневрировать.

Симон активно закивал – он, судя по эмоциональному фону, наконец начал понимать мой план. В этот самый момент яхта вдруг встретилась с гуляющей волной – попавшейся нам наперерез. Мои ноги оторвались от палубы, поднявшись даже выше головы. Не улетел я сквозь проем в крыше рубки только оттого, что крепко держался за кресло Симона. А еще благодаря Филиппе – обернувшись, она поймала меня за плечо, крепко вцепившись с испуганным криком: «Не уходи, Кайдэн, милый!»

Едва мои ноги снова оказались внизу и утвердились на палубе, я выскочил из рубки.

Перемещаясь в периодически возникающей невесомости, сменяемой резкими ударами палубы в ноги – так быстро летел катер по волнам, я, держась за леера, как мог быстро двинулся на нос. А мог весьма быстро – практика перемещений по открытой палубе траулера во время ледяного шторма сказывалась.

Черный Волк Рейнар – был. Белый Волк – уже, как бы невероятно это ни звучало, входит в обиход как мое второе имя. Но чувствую, еще немного, и меня начнут называть морским волком – думал я, пробираясь вдоль борта.

– Юрай, как только я сойду, отстреливай всадников! Без пощады! – крикнул я уже с самого носа, показав, на какой именно ледяной дороге необходимо их отстреливать.

«Как только я сойду?» – прочитал я во взгляде Юрая невысказанный вопрос, но пояснять ничего не стал. Как только я сойду, сам поймет и разберется.

Переглядываться и перекрикиваться у нас сейчас получилось без проблем – яхта, несколько секунд назад развернувшись так, что курс теперь лежал перпендикулярно ледяным дорогам, двигалась уже полого по волнам. То и дело седлая гребни, так что ударно-прыгающий ритм бешеной скачки по волнам сменился скоростным, но пологим и валким переваливанием.

Ледяная преграда между тем приближалась, и я – поворотом перстня активировав фламберж, с криком выпрямился и ударил хлыстом адского пламени прямо по нашему пути. Бил перехватив меч двумя руками, думая в этот момент только о том, чтобы палуба предательски не ударила в ступни, подкидывая и выкидывая меня за борт.

Все получилось донельзя удачно – как я и рассчитывал, адское пламя глубоко враждебно дыханию Стужи. И созданный колдунами гона Дикой охоты лед оказался не просто разрублен, а в ключья разрушен взрывом столкнувшихся враждебных стихий. Взрывом столкновения, в котором адское пламя было по умолчанию мощнее: оно было чистое. А вот созданный гоном Дикой охоты лед уже столь серьезной силой не обладал, чистого ледяного пламени в нем почти нет – всадники от места удара были гораздо дальше, чем я сейчас.

Ледяная преграда сразу после удара адской плетки вспухла водой и мешаниной льда, разбрасывая по сторонам колкие глыбы. Яхта, почти не снижая хода, пролетела по созданному мной проходу. Снизу послышался дробный перестук глухих ударов – в воде осталось много небольших льдин, по мешанине которых мы сейчас и проехали.

Симон, как я ему недавно и показывал, довел катер до второй ледяной дороги и повернул почти с ней впритирку. Обернувшись, жестами я еще раз показал Симону, куда именно отходить, Юраю – куда стрелять, а сам, на ходу, поймав момент отсутствия по краям острых ледяных шипов, толкнулся что было сил и выпрыгнул за борт. На лед.

Эта вымороженная в воде дорога, созданная бегом и магическим натиском скакунов Дикой охоты, заметно отличалась от той, которой убитый Никласом колдун заковал в ледяной плен траулер в бухте Арконы. Эта была менее широкая и не такая массивная, лед здесь уже потрескивал и изгибался по всей длине. По ее поверхности бежали перехлестывающие волны, и вообще здесь было очень скользко. Настолько скользко, что я чуть было не улетел в воду с другой стороны – заскользив по бугристой ледяной поверхности, поднимая кучу брызг в нанесенных волнами лужах. Извернувшись на живот, одновременно я вытащил из набедренных ножен кинжал и с криком воткнул его глубоко в лед – так, как штурмующий гору альпинист цепляется за скалу своим топориком. Кинжал погрузился по самую гарду. Лед под ним разошелся брызгами осколков, так я проехал – оставляя за собой канаву глубиной в длину лезвия, еще несколько метров. Остановился лишь на самом краю ледяной дороги – даже ноги свесились в воду.

Поодаль уже гремели выстрелы – Юрай и Стефан методично отстреливали всадников Дикой охоты на соседней ледяной дуге. Симон при этом продолжал рвано и непредсказуемо маневрировать по волнам, ни на мгновение не оставаясь на месте. Замереть и остановиться сейчас – верный путь к тому, чтобы получить подарок в виде ледяной глыбы. Пусть создание

конструкта – дело и не мгновенное, но долгое и крайне небystрое оно только для кривых офицеров Финнегана. Всадники же Дикой охоты, полагаю, могут потратить на это считанные секунды.

Словно подтверждая мои мысли, над дальней от меня группой всадников взвихрились сразу два снежных вихря, из которых вырвались сияющие голубым пламенем ледяные глыбы – взлетев снизу вверх по пологой дуге, словно снаряды катапульты. Яхта, взревев мотором, резво устремилась по волнам вперед, и обе ледяные глыбы упали далеко за кормой. В это же время продолжали равномерно хлопать выстрелы – Юрай и Стефан прицельно стреляли, прореживая демонов Дикой охоты.

По сравнению с дуболомами Финнегана всадники-колдуны создавали атакующие конструкты очень быстро – тратя считанные секунды. Но на таком расстоянии и эти секунды позволяют увидеть направление атаки, избегая поражения. А усиленные лириумом пули к спокойному прицеливанию создаваемыми на открытом месте конструктами совсем не располагают – Юрай и Стефан уничтожили уже как минимум трех всадников в стусевавшейся группе Дикой охоты. В дальней группе – а вот второй десяток всадников-охотников, развернувшись и набрав прежнюю уверенную скорость, уже стремительно приближался ко мне.

Несмотря на устрашающее зрелище, я почувствовал удовлетворение. На это и был расчет – я хотел разделить внимание отрядов. Потому что даже без возможности прицельного поражения движущейся цели, многочисленными конструктами можно создать такую плотность огня, что яхта окажется гарантированно потоплена до того момента, как свое веское слово скажет сосредоточенный огонь винтовок. Ведь чтобы вывести из строя всадника Дикой охоты, нужно как минимум несколько хороших попаданий даже лириумных пуль. А для того чтобы гарантированно его убить, не всегда и десятка попаданий хватит. Именно поэтому, чтобы дать шанс Юраю и Стефану разобраться с первой группой, внимание второго отряда Дикой охоты на себя я и отвлекал. И похоже, настал момент истины – подумал я, поднимаясь на ноги и побежав навстречу атакующим меня всадникам.

И вот это вот сейчас наступил, так скажем, самый волнительный момент моего спонтанно родившегося плана.

– Hurrah! – закричал я неожиданно даже сам для себя на терранский, франко-новгородский манер. Ничего иного в голову просто больше не пришло в моменте. Да и думать особо было некогда – на меня скакало больше десятка закованных в магические доспехи всадников Дикой охоты, усиливая свой бег нарастающей силой Стужи. Воздух вокруг буквально замер от холода, закружились колкие снежинки, в лицо подуло стылým ветром так сильно, что в ушах засвистело.

Вместе с надвигающимися всадниками на меня несся и разрастающийся ледяной вал вырастающих прямо на поверхности воды сталагмитов, устремившихся в мою сторону острыми шипами. Тот же самый направленный атакующий натиск, едва-едва не уничтоживший нас на выходе из бухты совсем недавно.

Когда ближайшие ледяные шипы были совсем близко и сквозь забрало предводителя группы Дикой охоты стало хорошо заметно ледяное пламя его глаз, я упал на одно колено, одновременно активируя щит-эгиду. И, подогнув ногу, я заскользил по направлению к встающей из воды шипастой ледяной стене и всадникам. Мгновением позже активировав меч-фламберж, я воткнул его в лед – под углом, по направлению своего движения.

Ледяное пламя Стужи и вырвавшееся из меча адское пламя встретились на встречных курсах – так, что я оказался вдруг в самом центре взрыва. Очень сильного взрыва – я совсем не ожидал подобного эффекта. Забурлила вокруг вода, мелькнули рядом объятые голубым Сиянием копыта лошадей; в щит-эгиду мне вскользь ударило иззубренным и массивным пламенеющим мечом – всадник бил сверху, но лед как раз в момент удара под копытами его коня пошел ходунном, и он начал съезжать в широкую трещину. Но и от удара вскользь меня отбросило на

несколько метров. И сверху уже падал другой пламенеющий меч. Закрыться щитом я не успевал, но мелькнуло зеленым сиянием – от удара меня спас проявившийся в столкновении стихийных сил призрачный варг, вырвав руку всадника-демона вместе с мечом. Что было дальше, я уже не видел – ледяное и адское пламя взвихрились смерчем, поднимаясь ввысь, небо и вода перед взором закружились калейдоскопом, заполненным бурлящей водой и ледяной крошкой.

Столкновение стихий эффектом сейчас оказалось гораздо сильнее, чем совсем недавно, когда я адской плеткой разбил проход для яхты. Для меня это стало неприятным сюрпризом – я ведь просто хотел повредить лед и отправить всадников Дикой охоты прямо в воду. Но подобного взрыва просто никак не ожидал – ощущение, словно в момент удара кто-то из богов добавил мне силы.

Вся мешанина происходящего вокруг уложилась в краткие мгновения, а после последовал удар об воду – в мельтешении неба и воды волны стремительным рывком вдруг приблизились. Когда я оказался под водой, звуки сразу отрубил глухой пеленой. Широко раскрыв глаза, я наблюдал рядом лупящих копытами скакунов и уходящих на глубину всадников Дикой охоты. Все, как и рассчитывал – в мешанине ледяной крошки, бурлящей воды и завихрений Сияния, закованные в тяжелую броню фигуры беспомощно устремлялись ко дну.

Вода волнующегося под напором ветра озера сейчас не была прозрачной, но каждый из всадников Дикой охоты в своих доспехах ярко светился, так что погружающиеся на дно силуэты я наблюдал хорошо. И очень вовремя успел извернуться, закрываясь щитом-эгидой снизу: от нескольких погружающихся колдунов в мою сторону полетели, последним приветом, конструкты массивных ледяных стрел. Одна из них прошла совсем рядом, вскользь чиркнув по ноге, а вторая ударила прямо в щит-эгиду, выкинув меня на поверхность, даже подняв на несколько метров над поверхностью воды.

Еще несколько массивных ледяных шипов вырвалось рядом со мной из глубины, но ни один из них в меня не попал. Убрав фламберж – который явно служил ориентиром для прицеливания, я в несколько мощных гребков проплыл в сторону и торопливо выбрался на одну из немаленьких ледяных глыб расколовшейся ледяной дороги. И только сейчас осмотрелся по сторонам.

Варгрийцы на яхте продолжали стрелять, выбивая последних всадников Дикой охоты на уцелевшей ледяной дороге. Работали уже как на стрельбище – атакующие нас демоны Стужи настолько уверовали в свою ложную неуязвимость, что, потеряв преимущество скорости и натиска, сейчас оказались в роли мишеней в тире. Колдунов среди них больше не было, а оставшиеся всадники оказались бессильны перед усиленными красным лириумом выстрелами.

Обе ледяные дороги постепенно распадались. Несколько демонических скакунов – не отяжеленных доспехами, сейчас плыли неподалеку от меня в сторону ближайшего берега. Это не были настоящие лошади в прямом смысле слова – вернее, когда-то они были настоящими лошадьми и живыми существами. Но сейчас сила Сияния изменила саму их природу – превратив в условно-живых существ. Эти кони такие же бездушные, как и люди в Арконе, только благодаря живущему в них ледяному пламени обладают магической мощью, а также набором некоторых функций и инстинктов. Воля к жизни – один из которых.

Проводив нескольких плывущих рядом демонических скакунов взглядом, я перевел взгляд на приближающуюся яхту – расстрел отряда Дикой охоты был окончен, и меня уже ехали подбирать. Вот только то, что я сейчас увидел, мне совсем не понравилось – яхта заметно кренилась на левый борт и двигалась совсем небыстро. Видимо, недавнее прохождение через разбитую мной ледяную преграду не прошло бесследно – вспомнил я раздавшийся в тот момент drobный перестук из-под днища.

– Мы тонем, – буднично сообщил мне Юрай, едва я перепрыгнул со льдины на борт.

Ничего не отвечая, я жестом показал Симону направление в сторону берега. И еще раз взмахнул рукой, уточняя – показывая, чтобы он держал курс на нужный мне участок берега.

Куда, как я видел, и направлялись умеющие держаться на воде демонические скакуны Дикой охоты.

– Давай-давай-давай, – пока тонущая яхта тяжело двигалась вперед, негромко шептал я себе под нос, то глядя на поверхность воды, то оценивая оставшееся до берега расстояние.

Несмотря на уничтожение сразу двух отрядов Дикой охоты, подспудно давящее чувство опасности никуда не уходило. И весь мой опыт – если сопоставлять знакомые мне особенности Дикой охоты Инферно и только что увиденных всадников-охотников Стужи, говорит о том, что о нашем местоположении другие охотники уже знают.

Это плохо. Очень плохо. Но, на удивление, слишком сильно насчет этого я уже не переживал. Даже наоборот, у меня впервые со времени принятия решения о рейде в Мессену появилось чувство, похожее на воодушевление. Потому что, наблюдая за плывущими параллельно с нами к берегу демоническими скакунами, я видел самую настоящую возможность в краткие сроки добраться до Мессены.

Hellequin – адские всадники Врангарда не просто так назывались. Мы всю историю перенимали у демонов Инферно все то, что могло быть полезно в борьбе с ними же. И только после поражения в войне с Империей, стоившего Врангарду суверенитета, после навязанного запрета Кодексом создания измененных через Посмертие и зеленое Сияние адских скакунов, избранные воины варгрийской гвардии вынужденно пересели на рейдовые автомобили.

Хорошо бы теперь чтобы яхта не пошла ко дну прежде, чем мы доберемся до берега. Не критично, конечно, если что, доберемся и вплавь, но купаться сегодня я больше не хотел.

Достаточно уже.

– Кайдэн, милый, все закончилось? – раздался рядом напряженный, но крайне заинтересованный и взволнованный голос подошедшей Филиппы.

– Все только начинается, – взъерошил я мокрые волосы.

Глава 4

Постепенно погружающаяся в воду яхта двигалась к берегу, все более замедляясь. Я в это время, чувствуя, как баронесса Бланшфор прильнула мне к плечу, думал, зачем вообще поддался уговорам и взял ее с собой. Краем думал об этом, потому что в первую очередь меня занимала обеспокоенность тем, успеет ли яхта достичь берега.

Линия пляжа приближалась, но скорость неуклонно падала. Яхта все больше и больше погружалась – нос при этом оставался на плаву, а вот корма скрывалась под водой быстрее. За спиной раздался звучный удар – обернувшись, я увидел, что Симон выбил стекло в рубке. Сделал это он, чтобы иметь возможность в случае затопления яхты покинуть рубку комфортно. Меньше чем через минуту он в этот выбитый проем и вышел – корма уже совсем скрылась под водой, в рубку хлынула вода.

Яхта погружалась все быстрее, но длинный, выдающийся далеко вперед с пляжа деревянный пирс-моло для удобного купания был уже совсем рядом. Ступив на натянутый леер, я перепрыгнул разделяющие яхту и пирс полтора метра и приземлился на твердую поверхность. Юрай, Симон и Стефан прыгнули следом, я же обернулся и подал руку Филиппе.

Яхта к пирсу приближалась медленно, и несколько секунд наши вытянутые руки тянулись друг к другу. Пальцы наконец соприкоснулись, и Фили, мило мне улыбнувшись, оперлась на протянутую руку и легко перескочила на пирс. При этом я обратил внимание, что она успела покинуть яхту в самый последний момент – на палубе, в том месте где она только что стояла, сомкнулась накатывающая вода. Еще миг – и яхта погрузилась полностью, а поверхность воды забурилась пузырьками воздуха. Глубина здесь оказалась небольшая, и почти сразу легшую на дно яхту, ее серебристый силуэт, было хорошо видно – если бы Филиппа осталась на палубе, она сейчас стояла бы по пояс в воде.

Бросив последний взгляд на так выручившую нас скоростью яхту, я жестом увлек за собой остальных. По длинному-длинному деревянному пирсу быстрым шагом мы покинули причал и оказались на берегу. Желтый песок, аккуратно расставленные шезлонги, забытые пляжные принадлежности и яркие солнцезащитные зонтики, присыпанные снегом, смотрелись довольно странно. Но не более странно, чем плывущие к берегу скакуны Стужи, чьи глаза светились льдисто-голубым Сиянием.

Мир меняется и с каждым новым часом предлагает к зрелищу все новые и новые, раньше немыслимые картины. Я, похоже, уже скоро даже удивляться перестану.

– Юрай, Симон, Стефан... – произнес я, показывая каждому из них на приближающихся демонических скакунов. – Забирайте. Каждый сам.

Все трое не сразу поняли, что именно я имею в виду. Но когда поняли, немного сблестнули с лица и растерялись.

– Попросите богиню о помощи через кровь, используйте лириум, и все получится, – отреагировал я на изумленные взгляды.

Больше на троих варгрийцев внимания я не обращал. Да, создание измененного существа, адского коня или смертоконя, как его называли у нас, – непростое дело. Неподвластное одному бойцу – это долгий и сложный ритуал, с огромным количеством используемых ресурсов. Но те демонические кони, которые плыли сейчас к нам, – они уже измененные, с ними все уже случилось. И в них просто нужно «переключить тумблер», сменив заполняющую их энергию одного Сияния на другое. И несмотря на ошарашенное состояние и неуверенность варгрийцев, в них я не сомневался – справятся. Просто потому, что я ощущал за спиной незримое присутствие Морриган, и у меня не было никаких сомнений в успешном выполнении поставленной задачи. Разберутся, не маленькие.

Сомнений в том, что Морриган поможет варгрийцам перенастроить скакунов, у меня не было. Вот только лично мне помощь богини была не нужна – потому что мне нужен был несколько иной конь. Который живет благодаря огню адского пламени, а не зеленому Сиянию. Варгрийцам такие к управлению неподвластны; мне же, после вмешательства Ливии, – вполне. А в центре Стужи, раз уж есть такая возможность, хорошо бы иметь подходящее средство перемещения, которое способно защитить себя одной лишь принадлежностью к адскому пламени.

Так что, не обращая внимания на растерянных варгрийцев, я первым зашел по колени в воду, встречая ближайшего скакуна, который выбирался на берег. Краем глаза обратил внимание, как окутывает его копыта льдисто-голубая дымка, как воду рядом с ним, расплываясь по сторонам, покрывает тонкий прозрачный ледок.

Конь, косясь на меня, встряхнулся и ударил копытами, подняв столп брызг, тут же превращающихся в маленькие ледышки. Он был мне враждебен – но враждебен не лично, а заключенной в него силой. Но мне и фламберж адского пламени не так давно был враждебен – до того, как мне Ливия усиливающую татуировку не начертила, устанавливая связь между мной и оружием.

Легко разбивая все нарастающий вокруг тонкий ледок, я подошел почти вплотную к коню. Увернувшись от внушительно клацнувших крупных зубов – поймал бы, руку с плечом бы вырвал, наверное, – уверенно (самое главное в этом деле) возложил коню левую руку на лоб. Ну как «возложил» – хлестко ударил открытой ладонью, предварительно перевернув внутрь камень перстня фламбержа – но при этом не сжимая кулак, чтобы меч не материализовался.

Эффект превзошел все ожидания. Я индигет, и массы – и моя, и коня, в случае происходящего действия значения не имели. Потому что в первую очередь здесь и сейчас столкнулись две энергии, подкрепленные волей. И в этом столкновении решали уже совсем не размеры: сверкнула алая вспышка, я остался на ногах, лишь отшатнувшись, а вот демонический скакун отлетел назад метра на три, поднимая веера брызг.

Истошно заржав, конь рухнул на бок и забил копытами, яростно меня превращающиеся в снежную кашу воду, песок и намерзший ледок. Глаза демонического скакуна уже сияли алым, по рывкам головы оставляя за собой нити следов в воздухе, постепенно истончающихся. Копыта по-прежнему светились льдисто-голубым, но конь уже был «заражен» адским пламенем, которое – из-за моей превосходящей воли, начало выжигать Стужу.

Демонический скакун не был живым в привычном понимании. Но, что для меня оказалось удивительно, он сейчас – в момент перестройки тела и привязки к Сиянию, чувствовал боль. Все те полминуты, пока адское пламя вытесняло холод Стужи из его тела. И как только процесс закончился, конь, глаза которого теперь светились ровным алым сиянием, поднялся на ноги. Миг проявления по-настоящему живых эмоций, услышанных мною в ржании боли, прошел, теперь конь вновь выглядел как квазиживое существо, созданное магией и подчиненное моей воле.

Ладно, с произошедшим лучше разбираться особой комиссии из самых высоких магических институтов, а мне бы сейчас просто средство передвижения, пожалуйста, чтобы только без отказов. Живой, квазиживой, пусть даже разумный конь – неважно. Главное, чтобы вперед бежал, когда мне нужно будет.

Короткий взгляд по сторонам – Юрай, Симон и Стефан уже заканчивали укрощение своих скакунов. Ну как заканчивали – ошарашенную неуверенность на их лицах сменила шальная радость. Видимо, не сильно они и участвовали, и произошло «приручение» у них гораздо проще, чем у меня: каждому из варгрийцев, как я видел по некоторым признакам, помог призрачный волк.

Живущий только из-за силы Сияния скакун – сам по себе артефакторный источник энергии, и из-за их близости призрачные варги обрели подходящую среду, в которой могли проявиться. Не полностью материализовавшись – сейчас были видны только призрачные раз-

мытые силуэты волков. Но, видимо, и этого для помощи варгрийцам хватило – с другими демоническими конями все оказалось намного проще, чем я рассчитывал. Все три выбранных бойцами скакуна уже поменяли льдисто-голубое сияние глаз на зеленое, аура вокруг них также сменила цвет. Причем без таких мучений, как только что происходило при замене ледяного пламени на адское.

Очень это интересно, но я подумаю об этом позже – и так других тем хватает. К примеру, еще я очень старался не думать о том, что своего спутника варга я рядом не видел. Ведь я хорошо помнил, что он спас меня совсем недавно от удара меча одного из всадников Дикой охоты. Выжил ли он тогда – вот вопрос.

Развоплотить подобную сущность – жоака первых варгов, непросто, но можно. Еще волк мог просто получить повреждения астральной сущности, так что на некоторое время потерял возможность вновь появляться в мире живых – по крайней мере, именно на это я наделся. Но ничего изменить сейчас не мог, поэтому мысли об этом старался гнать прочь.

Юрай, Симон и Стефан между тем уже были в седлах. Они смотрели на меня со смешанными чувствами – все еще не совсем веря в происходящее. Вернувшиеся призрачные варги, сражение с Дикой охотой – выигранное, на первый взгляд (это сколько даров деве Фортуне еще занести нужно), почти играючи, адские скакуны под седлом... я могу понять их чувства. Словно предания прошлого ожили, а они стали воплощением героев былых времен – сам себя так совсем недавно ощущал, когда боги снизошли до прямого общения со мной.

Взяв под уздцы демонического коня, который после моего движения дежурно фыркнул, я обернулся. У меня еще в необходимости думать быстро, сразу и обо всем зудело одно мешающееся обстоятельство, а именно – Фили. До Рива-дель-Рендины мы не добрались, брать ее с собой дальше – не вариант, оставлять здесь одну не хочется, но, видимо, придется...

Филиппа, полагаю, нечто подобное в моих мыслях и подозревала. Вот только у нее были совершенно другие, отличные от моих планы. Быстро и легко, почти не касаясь песка, баронесса подбежала ко мне. На ходу она широким жестом расстегнула молнию куртки, полностью открывая взгляду ажурный бюстгальтер, яркой алой расцветкой сейчас очень выделяющийся на фоне сдержанных серо-черных цветов ее костюма для верховой езды. Но отметил я это мельком – потому что Фили, резко распахнув куртку, положила руку на середину груди. Под ее ладонью при этом я увидел кровь – когда она успела сделать надрез, я даже не заметил.

Продолжающая удивлять действиями баронесса Бланшфор, на которую я смотрел уже совершенно новым взглядом, прижимая ладонь к груди, медленно и с силой сжимала кулак. Так, что на бархатной коже оставались красные следы, с маленькими точками крови от касания острыми ногтями. Лицо Фили исказилось от усилия – когда она почти полностью сжала кулак и потянула руку от себя.

Я уже понял, что именно она делает: извлекает скрытый амулет. Я неоднократно видел подобное: такие амулеты (в большинстве запрещенные Кодексом, конечно же) могут выполнять самые разные функции – от разгона силы и ловкости, выдержки с памятью или иных усилений организма до функционала, схожего с поясом верности или маяка слежения, например. Но, помня об обстоятельствах нашего с ней общения, я уже догадывался и представлял, что именно за амулет на баронессе; тем более представлял, глядя на алую кружевную ткань, вспоминая ее любовь именно к дерзкому красному нижнему белью, которое в дамских кругах салонов Равенны считалось моветоном и определяло принадлежность носительницы совсем не к высшему свету. «Красное белье для кварталов красных фонарей»; вот только алый цвет любят в нашем мире не только куртизанки. Да и, кроме этого кричащего и такого заметного признака, я сейчас начал вспоминать многочисленные ранее упускаемые моменты в наших с ней коротких и в некоторой степени вынужденных отношениях.

Фили между тем, несмотря на напряжение – я видел бисеринки пота у нее на лбу и висках, нашла силы мне извиняющеся и мило улыбнуться. Все же, несмотря ни на что, улыбка у

не оставалась прежней. Даже несмотря на едва-едва заметно удлинившиеся клыки, неуловимо заострившиеся черты лица и ставшие вдруг красными радужки глаз. Не зря я удивлялся ее неумной сексуальной энергии – или суккуб, или инкуб у нее в роду точно были. Не отец и не мать, потому что подобное родство амулетом сдерживания не скроешь; но в роли дедушки или бабушки демоническая сущность, причем совсем не слабая, у баронессы Бланшфор присутствует наверняка.

Филиппа между тем полностью извлекла сдерживающий амулет, с поклоном опустила на одно колено и протянула его мне. Знак высочайшего доверия, даже крепче вассальной присяги – амулет сдерживания завязан на ее душу, и Филиппа сейчас отдает мне в руки полный контроль над собой.

Взяв ее за руку, я легко тронул пальцы, заставляя Фили разжать ладонь. И, увидев, что именно за амулет сдерживал ее демоническую сущность, громко расхохотался. Пусть и рушится привычный мир вокруг, но подобная шутка стоит смеха – на ладони у Фили лежал амулет в виде Всевидящего Ока, причем напитаанный силой рубин в нем был такого размера, что подобный амулет мог находиться в ведении только лишь совсем нерядовых членов Инквизиции. В ведении учета на уровне иерархов, я бы даже сказал.

Вот и ответ, как, имея столь сильное демоническое начало, Филиппа так хорошо могла его скрывать ото всех. Немного раскрываясь лишь в моменты... ладно, хватит приятных воспоминаний.

– Как?

– Святые отцы тоже люди, – едва заметно улыбнулась баронесса.

Покачивая головой, я сжал ладонь Фили обратно, оставив в ней амулет.

– Себе оставь.

Филиппа подарила мне еще одну обворожительно-милую улыбку, поднялась и вдруг вскочила на прирученного мною адского скакуна. Тот отметил это действие громким фырканьем; под Филиппой он сразу загарцевал, вбивая копыта в песок – который плавился и брызгал по сторонам, мгновенно застывая колкими изломанными осколками. Куртку, кстати, застегивать Филиппа судя по всему даже не собиралась, оставив общим взглядам свое вызывающее алое нижнее белье. Невольно скользнув по которому взглядом, я повернулся к водной глади, выискивая еще одного скакуна Дикой охоты.

И сразу увидел его – добравшегося уже почти до берега, продвигающегося в мешанине льда, черного как ночь, огромного не просто демонического коня, а самого настоящего зверя. Его глаза при передвижении сияли так ярко, что за головой оставался плотный льдисто-голубой шлейф. И этот демонический скакун не плыл: он просто не мог этого делать – на нем был полный и массивный лошадиный доспех, который тянул его ко дну. Но силы Сияния и воли к жизни в этом демоническом скакуне было так много, что, как та лягушка, взбивающая под собой сливки в масло, конь превращал воду под собой в ледяную массу. Этот черный зверь буквально создавал и врубался копытами в мешанину льда, возникающую под ним.

Периодически конь полностью уходил под воду, но раз за разом вновь появлялся на поверхности, ударами копыт создавая и взбивая под собой ледяную подушку. Аура Сияния у этого демонического скакуна была настолько сильна, что он даже без всадника генерировал вокруг себя мощные выплески силы.

Наверное, потому этот демонический зверь мог удерживаться на плаву, что был конем лидера Дикого гона, высшего демона. К нему я и направился – едва конь приблизился к берегу. Зайдя по пояс в воду, я шел навстречу устрашающего (даже для меня) вида скакуну, который вдруг прыгнул вперед. Раскрыв пасть, эта зверюга попыталась меня укусить, а сразу после ударить передними копытами. Хорошо, что эта огромная и злая демоническая тварь была явно утомлена перемещением по воде – так бы копыта по мне могли и попасть. Но от удара я уклонился, а крупные зубы шелкнули совсем рядом с плечом.

Моя рука с пробужденным через перстень фламбержа адским пламенем легла на шею коня, взблеснуло столкнувшимися алым и голубым сияниями. Но эффект оказался, прямо сказать, неожиданным – меня отбросило прочь на несколько метров. И меня, и демонического зверя – мы просто разлетелись по сторонам, поднимая кучи брызг.

Я – индигет, и это звучит гордо. Сильный, смелый, ловкий и умелый. Разумный, что самое главное. Но передо мной демонический зверь, который долгие годы, если не десятилетия или даже столетия, носил на себе одного из высших демонов, лидеров Дикой охоты. Не разумное существо, но сила воли у него, как оказалось, – в момент лобового удара, не слабее моей.

Демонический скакун, барахтаясь, пытался подняться, заржав при этом так, что звуком мне ударило по ушам. Оставленная мною красная отметина на его шее исчезала – поглощаемая льдисто-голубым Сиянием. Зверь уже поднялся и бросился на меня, вот только рядом с ним уже материализовался мой спутник – матерый варг-призрак. Волк схватил коня зубами за заднюю ногу, но после сразу же отскочил, избегая сияющего копыта, которое оставило в воздухе шлейф траектории удара. Пользуясь отвлечением зверя, я уже оказался рядом и уверенно перехватил его за уздечку.

Демонический конь – взбешенный происходящим и касанием алого пламени, в ярости двигался очень быстро. Причем гораздо быстрее, чем обычное живое существо, – стремительно, размыто. Я даже не успел отреагировать, когда он вновь попытался меня укусить. Ну, почти не успел отреагировать – в самый последний миг я ударил ему с правой, целясь прямо в нос. Да, нос коня был закрыт защитой морды, но у меня на руке был перстень Спарты, в который я добавил импульса силы.

Теперь нас с конем раскидало по сторонам уже вспышкой смешанного зеленого и льдисто-голубого Сияния. Скакун снова покатился по воде, поднимая кучу превращающихся в лед брызг, я же вылетел на берег и прокатился по песку. Поднявшись, разными непечатными словами подгоняя себя и характеризуя упрямство зверя, я вновь побежал на линию воды – где, оглашая окрестности демоническим ржанием, скакун также уже поднялся на ноги.

Призрак-варг, отвлекая его, кружил вокруг, то и дело кусая зверя за круп и задние ноги. Я же – оказавшись рядом, совсем как в кулачной драке снова ударил зверя с правой. Конь попытался руку мне откусить, но этот удар я только обозначал – оказавшись со зверем почти вплотную, ввалил ему апперкотом с левой. Уже добавив импульса силы в перстень фламбержа.

Ярко сверкнуло алым, поменявшие свет Сияния глаза дернувшегося от удара скакуна на миг оказались совсем рядом, а в следующее мгновение я уже увидел летящее мне прямо в грудь копыто – неприятным следствием моего удара снизу вверх стало то, что конь поднялся на дыбы.

Глава 5

– Кайден... Кайден, милый, очнись...

Слова доносились до меня словно сквозь вату. В ушах звенело, перед глазами все плыло, а на периферии зрения мутно мелькали черно-зеленые лоскутья. Зацепившись за размытое пятно перед глазами, я усилием сфокусировал взгляд – увидев склонившуюся надо мной обеспокоенную Филиппу. Посмотрел несколько секунд на ее стиснутую и приподнятую алым бюстгальтером грудь, после чего поднял взгляд.

Сознание и осознания вернулись вместе с болью. К счастью, терпимой. При этом зелень кружащих на периферии зрения лоскутьев Сияния никуда не уходила – явный признак того, что Морриган спасла меня от увечий. Все же копытами в грудь я получил так, что ребра могли и из спины выйти, будь я обычным человеком без покровительства богини.

Филиппа пыталась мне что-то сказать, но я, поморщившись, жестом ее оборвал и поднялся на ноги. Укрощенный черный зверь, периодически бивший копытом в землю, стоял рядом. Глаза его светились самым настоящим адским пламенем, плавившийся песок под ним уже почернел. Переступая ногами, конь в ответ на мой взгляд пару раз звучно фыркнул – без агрессии, а словно бы говоря, что пора бы нам и в путь.

Еще взгляд по сторонам. Варги – и люди, и волки, расположились рядом. Жестом я показал Юраю, что сам в порядке, но мне нужно чуть-чуть времени. При этом обратил внимание, что варгрийцы расположились весьма осторожно, поодаль. Держась в отдалении и от меня, и от обнажившей свою демоническую сущность Филиппы, и от двух адских зверей, которые когда-то были обычными конями, а потом демоническими скакунами Стужи.

Еще во время взгляда вскользь обратил внимание, что озаренные зеленым Сиянием измененные скакуны рядом с варгами – и людьми, и волками... их было много. Не три первоначально измененных, а в количестве не менее десяти, как я только что увидел через постепенно уходящую застилающую взгляд муть. Раз-два-три, четыре, пять-семь, восемь-девять-десять... и вот этот, за основной толпой, одиннадцатый. Это не считая тех двух, кого я перевел из-под контроля Стужи для себя и Филиппы, приручив адским пламенем.

Всего тринадцать демонических скакунов.

Пока я валялся в отключке, варги – и люди, и волки (возможно, при участии или по воле Морриган), изменили силу Сияния вообще у всех демонических скакунов, которые выбрались рядом с нами на берег. Вопросы «зачем?» я задавать не стал. Есть возможность и время, так почему бы и нет, полагаю. Пойдут ли только за нами демонические скакуны, оставшиеся без наездников? Этот вопрос, кстати, вдруг разрешился сам собой. Потому что я очень осязательно почувствовал рядом присутствие Морриган.

Ее присутствие было незримо, но постепенно я ощущал, как в теле исчезает боль и появляется невероятная легкость. Ощущение такое, что как будто, если захочу, могу и взлететь; кроме того, на самой периферии зрения, по краям взгляда, зелень ушла, но теперь там густилась темнота, создавая словно туннельный эффект зрения. За моей спиной сейчас как будто выросли непроглядно черные крылья ворона. Выросли только для меня, только в моем восприятии – потому что по взглядам остальных я не видел ничего необычного, никто за мою спину в удивлении не смотрел.

Морриган сейчас находилась совсем рядом, и готова была помогать по мере сил. И при этом, несмотря на легкость в теле, никуда не уходила противная тяжесть подспудного предчувствия беды. Мы выиграли битву, но не войну.

Запрыгнув на адского скакуна, недавно принадлежащего генералу Дикой охоты, я почувствовал, как он взвился, переступая копытами в нетерпении. Резкий, порывистый зверь – которому не было нужды скрывать свое истинное лицо за границами приличий и который совер-

шенно не собирался вести себя спокойно. Это понимание догнало меня отзвуком ауры, причем догнало очень неожиданным озарением. Я вдруг получил разгадку волновавшего меня вопроса о той явной боли, который испытывал первый демонический скакун – сейчас конь Филиппы, при трансформации. И тот, и этот конь – черный зверь подо мной, определенно после касания адского пламени стали в некотором роде продолжением меня – я подарил обоим частичку своей души. Это реально чувствовалось. Скакун подо мной и вовсе сейчас воспринимался как еще одна часть организма; я мог управлять им бездумно так же, как управляю собственной рукой, когда чешу в затылке или застегиваю пуговицы, думая при этом о чем угодно.

Очень, надо сказать, это все неожиданно.

Филиппа уже была в седле, встав со мной стремя в стремя. Она молчала, ничего не говорила, но ее ставшие нечеловечески яркими алые губы изгибались в улыбке предвкушения – сбросив сдерживающую демоническую сущность ауру, Филиппа жаждала веселья. Примерно такая же аура, но слабее от нее исходила во время постельных утех – но скрытая, не так откровенно чувствующаяся, как сейчас. Но так долго удерживаемая маска с извлечением амулета оказалась сброшена, и теперь Филиппа наслаждалась возможностью побыть самой собой.

Некоторое время нам потребовалось, чтобы выстроиться в клин – Юрай встал первым, слева и справа от него, чуть позади, Симон со Стефаном, дальше – несамостоятельно, а с помощью принявших роль поводырей призрачных варгов выстроились остальные демонические скакуны. Мы с Филиппой оказались в центре клина, за спинами остальных. Не просто так – наши адские скакуны при движении, в теории, будут оставлять за собой пламенный след, так что никому за нами просто физически невозможно будет находиться.

Короткая команда, и мы – практически синхронно, двинулись с места. Копыта ударили в землю и, постепенно набирая скорость, наша кавалькада направилась к выходу с пляжа. В обычной ситуации подобное управление только что прирученными демоническими скакунами было бы невозможно – нельзя добиться такой слаженности от только что измененных существ, еще и живущих благодаря разным видам Сияния. Варгрийские всадники тренировались годами, чтобы получить контроль над своими адскими конями; но нам сейчас незримо помогала Морриган. Причем помогала не прямо своей волей, а частично забрав варгов под свой контроль, направляя их действия.

Сохраняя невероятную в иных условиях слаженность построения, мы покинули пляж и, проскакав по тихим улочкам курортного поселка, оказались на ведущей вдоль озера асфальтовой дороге. Здесь скорость бега скакунов выросла. Причем значительно выросла, и даже более того – скорость все росла и росла, преодолевая самые оптимистичные ожидаемые значения. Я вдруг, осознавая происходящее, почувствовал себя, как будто сел на аттракцион, который вдруг пошел вразнос и непонятно, чем это закончится. К счастью, остальные спутники сохраняли спокойствие – почему-то они думали, что у меня все под контролем.

Наивные.

Я же надеялся, что все под контролем у Морриган – потому что как остановить и даже как управлять нашей разогнавшейся кавалькадой, я совершенно не представлял. Ветер уже свистел в ушах так, что я вынужден был пригнуться к жесткой черной гриве демонического скакуна. Юрай, Симон и Стефан сделали так же. Филиппа же, сбросив сдерживающие силу демонической крови барьеры, наслаждалась. Она сейчас, наоборот, держась за гриву своего скакуна, откинулась назад – волосы ее частично растрепались, расстегнутая куртка хлопала на ветру, а сама баронесса громко смеялась, наслаждаясь происходящим. Глаза Фили, как и глаза демонического скакуна, уже горели адским пламенем.

Кони между тем не просто бежали – они уже практически летели, с невероятной скоростью. Пейзаж вдоль дороги, деревья слева и скальные уступы справа, мелькали невозможным к рассмотрению размытым фоном. Копыта скакунов почти не касались земли, а ветер уже дул в лицо с такой силой, что мне пришлось в гриву просто вжаться. Впереди вдруг, перед скакунами

Юрая, Симона и Стефана, возникла клубящаяся черно-зеленая завеса, которая расстелилась перед нами самой настоящей уводящей в небеса дорогой.

Черные крылья, которые до этого момента словно бы находились за моей спиной и которые видел только я на периферии зрения, вдруг обрели материальность и прыгнули вперед. Словно подхватывая нас, выталкивая разгонным импульсом в небо – и вот мы уже двигаемся не по дороге, а по сконцентрированной под копытами скакунов дымчатой пелене. Филиппа в этот момент прекратила хохотать и что-то громко восторженно закричала – что, я не слышал, ветер ее слова уносил. Мне же было совсем не до смеха и веселья. Дымчатая пелена под ногами казалась зыбкой, и каждое мгновение я ждал, что она исчезнет, и мы кирпичами посыплемся вниз.

Невероятно. Всю жизнь я считал двигающиеся по небу отряды гона Дикой охоты своим главным врагом. А сейчас, получается, сам стал лидером подобного отряда – кто бы мог подумать. Осознание этого даже как-то отодвинуло страх падения.

Никто точно не знал, как передвигается по небу Дикая охота. Специалистами высказывались предположения (подтвержденные наблюдениями), что передвижения по небу возможны только в центре магической бури, в самом центре концентрации энергии. И находящиеся в составе каждого гона колдуны создают связующий всех всадников конструкт, позволяющий им всем вместе единой группой разгоняться до небесного бега. Более того, высказывались уверенные предположения, что всадники каждого отряда являются пусть и не единым организмом, но довольно близкими сущностями, неразрывно связанными между собой ментально, через кровь или магию.

Я вдруг понял, что мы, получается, сейчас двигаемся по похожим принципам. Да, вокруг не было магической бури и среди нас не было колдунов, но вместо бури за концентрацию энергии выступила Морриган, которая придала скакунам силы набрать скорости и взмыть над землей. Я же, получается, выступал в роли проводника мощи и воли богини; а наше совместное, в составе отряда, передвижение стало возможным потому, что все его участники оказались связаны кровью. С Юраем, Симоном и Стефаном я кровь смешал сегодня ночью, Филиппа совсем недавно присягнула мне на своей крови.

Рядом уже отчетливо раздавались удивленно-восхищенные возгласы варгрийцев, звучал задорный и веселый смех – это Филиппа не сдерживала эмоций от счастья полета. Она по-прежнему скакала, отклонившись назад и держась за гриву своего демонического коня. Вот только ветер нам уже практически не мешал – концентрирующееся впереди Сияние создало небольшой барьер, действуя словно лобовое стекло в мобиле-кабриолете. И хотя встречный ветер трепал волосы и свистел в ушах, сильного, выбивающего из седла напора воздуха я больше не ощущал.

Короткий взгляд вниз – синевя водной глади Рендины неуклонно уходила в сторону. Ведомый волей Морриган отряд поднимался над облаками и над вершинами Варгрийского хребта, поворачивая по широкой дуге и направляясь прямо в сторону Мессены. Оглянувшись, я увидел, что мы оставляем за собой дымчатый черно-зелено-алый след, словно от кометы. Черные лоскутья, символизирующие крылья Морриган, мешались с зеленым Сиянием и таявшими в воздухе языками адского пламени, которые в общую картину вплетали копыта наших с Филиппой скакунов.

Но когда обернулся, я заметил не только это. Далеко вдали, в нашу сторону – также над горами, двигалась пелена магической бури. И в темной, от земли до неба чернильной стене я видел сразу три белесых вихря лавин Стужи – подобных той, которые ринулись на нас со склонов гор совсем недавно. Нас преследовали отряды Дикой охоты, которые взмыли в воздух благодаря двинувшейся в нашу сторону пелене. Пелене, идущей со стороны Новгорода, как я машинально отметил.

Вид и ощутимая даже на таком расстоянии мощь преследователей мне сильно не понравились. Только-только появившись на арене в роли новичков, нам предлагалось сыграть с профессионалами, причем на самые высокие ставки. Из плюсов только то, что с нами Морриган – почувствовал я легкое касание ветра на щеке. Из минусов – сражаться Морриган вместе с нами не собиралась, потому что для нее это слишком опасно. Ведь Морриган здесь, на границе зоны действия Стужи, весьма уязвима. И даже не гибель, а просто уязвимость богини может катастрофично перевернуть ситуацию с вторжением – во время личного поражения божественной сущности, даже локального, высвобождается просто невероятное количество силы, которое может быть использовано врагом.

Эти мысли, это осознание, появлялись у меня извне, словно нашептываемые богиней. Появились вместе с осознанием того, что она поможет нам только добраться до Мессены. До цитадели Корпуса Спарты на горном плато, которая была уже совсем рядом: сотни лиг, которые по земле преодолевались за долгие часы, в небесах мы преодолели за считанные минуты. И по мере приближения к Мессене мы снижались, а ограждающий нас купол истончался. Скорость падала, а свист ветра в ушах постепенно вновь начинал нарастать.

Дикая охота даже в центре магической бури не может передвигаться по небу часто и на большие расстояния – сотня-другая лиг, не более. Не знаю, как дело обстоит с нами, с поддержкой богини, но пока дальше пары сотен лиг нам и не нужно было: разогнавшись и ускорившись над облаками небесной черно-зелено-красной кометой, проскочив над вершинами Варгрийского хребта, наша кавалькада уже спускалась и замедляла бег.

Оглянувшись назад, оценивая расстояние до преследующей нас Пелены Стужи, я вздрогнул. Чернильная пелена магической бури явно ускорила и нас неотвратимо настигала. По спине пробежался холодок плохого, очень плохого предчувствия.

Посмотрев по сторонам, я скользнул взглядом по демоническим скакунам без всадников,двигающихся рядом четверых призрачных варгов, приникших к гривам варгрийцам; посмотрел на Филиппу рядом, встретился со взглядом ее красных, с вертикальным черным зрачком глаз. Шикарные волосы баронессы уже полностью растрепались и развевались на ветру, а сама она уже не веселилась. Несмотря на загар, Фили казалась бледной как мел, нижняя губа ее сильно закушена жемчужными зубками.

Веселье закончилось, и сейчас начиналось самое интересное и главное. Свист в ушах все усиливался, и мы уже были совсем рядом с Мессеной. Волей Морриган небесный бег выводил нас над трактом Северного пути прямо к краю горного плато, над которым густо, полностью скрывая очертания цитадели, клубилась белая пелена вихрящегося снега.

Сопровождающее нас черно-зеленое клубящееся Сияние вдруг вытянулось, словно создавая мост к краю скального уступа, при этом пробивая и разгоняя клубящийся перед нами снег. Меня напоследок словно приобняло теплым дыханием, черные крылья еще раз широко размахнулись – подталкивая нас вперед, и в этот момент ощущение незримого присутствия богини ушло.

Дальше сами. Все сами.

Заканчивая бег по небу, мы преодолели последние сотни метров, и копыта скакунов ударили в скальный массив. Спустившись и оказавшись на плато, мы словно пробились под снежный купол. Меня тут же ощутимо потрянуло – как-то за минувшие четверть часа привык уже к плавности воздушного бега, а скачка по твердой поверхности от нее значительно отличалась. Но это мелькнуло лишь мгновением неудобства – потому что происходящее перед глазами затмило остальные впечатления.

Узнаваемая и привычная местность вокруг перестала быть знакомой. Горное плато повсеместно было устлано слоем снега – но небольшим, постоянно сметаемым дующими здесь стылыми ветрами; повсюду торчали под уклоном огромные ледяные шипы – следы атакующих конструкторов и движений ледяной орды, атакующей цитадель. Все вокруг было исчерчено и

изломано новыми ледяными очертаниями – в нескольких местах намерзшие нагромождения пробивали стены Мессены, застывшим ледяным пламенем проникая внутрь периметра.

Над горным плато, внутри огромного снежного купола, под которым мы оказались, клубились сразу несколько плотных белых смерчей. Один из которых, самый ближайший, сейчас как будто бесновался в ярости на нашем тренировочном поле, где мы недавно каждое утро совершали утренние пробежки по снегу.

Мест силы я с места «приземления» увидел сразу два – одно находилось очень далеко и левее, на ровном столе причальной площадки. Совсем рядом с пустым пирсом, у которого обычно стоял сейчас отсутствующий Клавдий. Второе было довольно близко – справа, шпилем возвышаясь за стенами цитадели. Причем возвышалось оно прямо за знаковыми и знакомыми воротами – через которые курсанты красного взвода учебной роты совсем недавно проходили с простым копьём и щитом каждый, делая шаг вперед навстречу демону.

Как давно, казалось, это было.

Оба ледяных обелиска выглядели совершенно идентичными тому, что мы сегодня ночью разрушили на горе близ Арконы. И, оглядываясь по сторонам, я почувствовал радость надежды – как и на горе с метеостанцией, здесь не было видно ни одного демона, а из присутствия Стужи – только явно созданные магической волей снежные смерчи.

Впрочем, радость оказалась совершенно недолгой – потому что снежные вихри под накрывающим цитадель куполом, как оказалось, бушевали здесь не просто так. Снежные водовороты закружились, изгибаясь и приподнимаясь от земли. Словно огромные белесые пиявки: огромными беззубыми пастями из снежных вихрей открылось сразу три портала – причем они открылись одновременно, и из них посыпались буквально полчища ледяных гончих. Затаптывая друг друга, яростно шевелящаяся и падающая с высоты десятка метров масса самой настоящей живой волной устремилась нам наперерез. Явно стараясь любой ценой задавить, остановить, не допустить наше продвижение к ближайшему обелиску.

Наше появление на горном плато и открытие порталов уложились в считанные секунды. Бег демонических скакунов был невероятно быстр, и я сейчас полностью прочувствовал проблемы всадников Дикой охоты, которые не смогли нас поймать на выходе из бухты: на такой скорости слишком ограничен маневр. Нам бы, как мне казалось, выгоднее попытаться разрушить Место силы в цитадели – благо и проломы в стене есть; но скорость была такова, что мы не могли остановиться, – и мимо удобных проходов мы пролетели, направляясь к далекому пирсу.

Останавливаться и даже притормаживать для поворота – верная смерть, нас сразу же окружают и задавят. Но и бежать вперед казалось не лучшей идеей – одна из снежных воронок смерчей исторгала ледяных гончих прямо на нашем пути к Месту силы на причале. Впрочем, выбора сейчас особого не было – примерно на такое развитие событий я и рассчитывал: попасть к цитадели, при необходимости купить жизнями спутников немного времени, а самому добраться до любого из Мест силы и его уничтожить.

– Вперед! Вперед! – заорал я с использованием Голоса, удивленно чувствуя, как несущие нас демонические скакуны от крика разгоняются до невероятной скорости уже по земле.

И не знаю, каким образом, но своим криком я только что вдруг создал самый настоящий магический натиск – подобный тому, с которым на нас недавно надвигались отряды Дикой охоты. Только у них натиск был ледяной, и впереди бегущих отрядов вырастали ледяные щипы; я же сейчас разбудил сопровождающее нас Сияние, сосредоточенное под копытами скакунов и в подаренных мне крыльях Морриган.

Зеленые лоскутья клубящимися щупальцами стремительно рванулись вперед, и, касаясь ледяных гончих, расшвыривали, испепеляли их на своем пути. Беспощадно и массово уничтожая тех тварей, кто оказался рядом; а тех многочисленных гончих, кого щупальца касались вскользь, начинало разъедать словно кислотой. Рванулась вперед и клубящаяся тьма сопро-

вождающих меня крыльев Морриган. Только тьма летела ввысь, к воронке портала над нами – сталкиваясь со Стужей наверху, и у самого выхода портала обволакивая и словно гася оживляющее ледяных гончих Сияние. Снизу сотни тварей разъедало зеленой кислотой, сверху иссушенные скелеты падали гроздьями, осыпаясь костями и превращаясь в черный пепел.

Коснулись черные крылья Морриган и воронки портала – которая после этого вдруг закрутилась вокруг своей оси так быстро, что вылетающие из нее ледяные гончие уже падали на плато с такой скоростью, что их тела ломались и буквально плющились, далеко разбрызгивая синюю кровь.

Мы скакали мимо сокрушенной массы, мимо шевелящихся в агонии сотен ледяных гончих, двигаясь по черно-зеленой дымной дороге. Спереди по нашему пути клубилась зеленая сила Сияния, кислотными щупальцами прожигая дорогу, а вот позади оставалась плеть самого настоящего адского пламени, создаваемая копытами наших с Филиппой скакунов. И ярящиеся полчища гончих из других двух порталов не смогли сразу нас догнать, отшатываясь от адского пламени и останавливая бег.

Пустой причал – без Клавдия, но с Местом силы, был уже близко. Как и момент истины. – Щиты готовы! – крикнул я, обращаясь к скачущим впереди варгрийцам.

Никому из них еще не пришлось вступить в бой, но каждый держал наготове оружие. Обелиск был уже совсем рядом, и я активировал фламберж, собираясь использовать так прекрасно выручившую меня два раза огненную плеть. Вот только, едва мазнув взглядом по материализовавшемуся клинку, я понял – вообще не вариант. Камень силы, который располагался в пустоте энергетического кокона, оказался почти прозрачен.

– Дьябло! – в ярости выругался я.

У меня не хватило опыта, сообразительности, времени для оценки принимаемых решений и их последствий, в конце концов. Используя силовое артефакторное оружие, я привык к неисчерпаемым запасам его энергии. Но энергия не берется ниоткуда: в обычных ситуациях я, как индигет, во время использования артефакторного оружия становлюсь своеобразным проводником силы Сияния, которое всегда и везде вокруг нас.

Вот только не сейчас, под прикрытием Пелены Стужи. Просто потому, что здесь правит бал холод иного мира – как правил бал и на вершине горы с метеостанцией. Пелена Стужи просто не пропускает через себя энергию нашего мира, его дыхание. У метеостанции я использовал не энергию Сияния вокруг, а накопленную фламбержем силу, заключенную в кристалле силы в его гарде. А может быть, адское пламя из накопительного кристалла полностью ушло в демонических скакунов – которых я перестраивал на адское пламя, изгоняя из них пламя ледяное.

Неважно. Важно то, что я не могу сейчас разрушить Место силы так, как сделал это совсем недавно – дистанционно и без прямой опасности для здоровья.

Все эти мысли мелькнули у меня буквально за несколько мгновений. За те несколько мгновений, за которые мы проскочили по каменной площадке причала и оказались у самого Места силы. Не подозревавшие ничего о моей ошибке и потере возможностей оружия Юрай, Симон и Стефан разъехались по сторонам, в готовности соскочить на землю и прикрыть меня щитами-эгидами. Я же, понимая, что не могу разрушить место силы огненной плеткой, лихорадочно и не останавливая бег скакуна решал, что я вообще сейчас могу сделать.

Ничего так и не решил. Но это было уже и не нужно – за меня все решил конь. Со ржанием, отзвуки которого били по ушам возвращающимся эхом не слабее, чем эхо моего Голоса, зверь останавливаться не собирался и продолжал стремительный бег. Казалось, он сейчас врежется в обелиск, но в самый последний момент черный зверь встал на дыбы. По инерции он подлетел к обелиску и вбил передние копыта, ярко горящие адским пламенем, в зеркальную поверхность Места силы.

Брызнула морозная крошка, льдисто-голубая поверхность в районе удара пошла многочисленными трещинами – алыми, горящими пламенем змейками, расползающимися от места удара.

Все. Пошел процесс – буквально через минуту-две здесь будет эпицентр взрыва. Через этот обелиск проходит слишком большой поток энергии, и оно не простоит долго в целостности – понял я, наблюдая за местом удара. Демонический скакун все еще стоял на задних ногах, раз за разом вбивая в обелиск копыта передних. Я откинулся назад в седле и, потянув за поводья, заставил коня развернуться.

Обернувшись, понял – дело дрянь. Созданным мною натиском мы проделали широкую просеку в массе вываливающихся из порталов ледяных гончих. По краям созданной нами дороги растекалось кислотная зелень и отдельные языки адского пламени, попадая в которые многочисленные ледяные гончие падали и погибали в корчах. Но их неотвратно покрывали новые тела, напрыгивая, наползая друг на друга и создавая живую поверхность для остальных тварей, которые стремились нас достать и разорвать. В масштабе уже происходящего – учитывая по-прежнему вываливающихся сверху из воронок порталов массы ледяных гончих, широкая просека уменьшалась с каждым мгновением и теперь выглядела лишь узкой черно-зелено-огненной линией.

До того момента как нас захлестнет надвигающаяся волна, оставались считанные секунды. Это прекрасно видели и понимали все, кто бы рядом. И у нас больше не было ни места, ни возможности снова выстроиться и набрать скорость разбега, пробиваясь через орду ледяных гончих. Мы оказались в такой же ситуации, в которой недавно оказался расстреливаемый варгрийцами на льдинах отряд Дикой охоты. По нам лишь не стреляли, а так все один в один – потерял скорость, потерял инициативу и преимущество.

Пора, что ли.

– Вы же не хотели жить вечно? – взмахнув мечом, закричал я. Просто не зная, что еще в такой ситуации я могу прокричать. Нам всем предстояли последние секунды жизни, и все это прекрасно понимали.

И в этот момент Юрай, который сейчас находился ближе всех к надвигающейся массе гончих, сделал то же, что делали многие из поколений наших предков в критической ситуации. Принося себя и свою душу в жертву Морриган, Юрай вытащил горящий адским пламенем варгрийский коготь, без задержек и раздумий полоснув себе по руке, – алая полоса глубокой раны скользнула вдоль по предплечью, взрезая вены. Демонический скакун, на которого щедро попало горячей кровью Юрая, громко заржал, ударил копытами в камень под ногами и прынул вперед – уже двигаясь размытым движением, в облачении всполохов зеленого Сияния.

Юрай сейчас, в самоубийственном рывке, сжигал и себя, и своего коня, отвлекая внимание и принимая на себя первый удар стремящейся к нам массы гончих. Рядом с Юраем стлался в беге призрачный варг, который – как мне показалось, увеличился в размерах. Конь Юрая на скаку топтал гончих десятками, сам он расстреливал тварей из винтовки, уже не жалея лириума, а его призрачный варг легко расшвыривал ледяных гончих – размером не меньше его, по сторонам, как котят.

Настоящей зеленой кометой Юрай на скакуне в сопровождении призрачного варга врубился в приближающуюся к нам волну гончих. Отзвук ауры их сгорающего в последней вспышке Сияния был так силен, что приближающиеся массы тварей устремились прямо к Юраю, стараясь подавить, задавить и уничтожить этот раздражитель.

– Вперед, вперед! – уже кричал я, привлекая внимание остальных. Направив своего черного зверя рядом со Стефаном, я чувствительно пихнул его в плечо в нужном направлении, при этом даже едва из седла не выбив.

Демонический скакун подо мной, растапывая в клочья отдельных гончих, постепенно ускорял бег, а я, подняв руку, покрутил открытой ладонью над головой и указал новое направ-

ление – к воротам Мессены. Направление почти противоположное тому, куда сейчас проби-
вался в самоубийственной атаке Юрай, отвлекая внимание на себя. Они – варги, человек и
волк, сознательно приносили себя в жертву, а нам надо было суметь воспользоваться создава-
емой ими возможностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.